Агент сыскной полиции

Автор:
Ирина Мельникова

Агент сыскной полиции

Ирина Александровна Мельникова

Агент сыскной полиции #1

Провинциальный сибирский город взбудоражен цепью загадочных преступлений, в том числе убийством известного немецкого путешественника. Дело на контроле у губернатора. Им занимаются охранное отделение и жандармерия. Но успех все-таки на стороне уголовной полиции – ее начальника, бывалого сыщика Федора Тартищева, и совсем юного агента – Алексея Полякова. Работают они слаженно, азартно, лихо, часто рискуя жизнью. Они не оставляют преступникам ни малейшего шанса избежать наказания. Потому что преступление – всегда преступление, даже если оно совершается ради благих целей…

Ирина Мельникова

Агент сыскной полиции

Особая благодарность начальнику Главного управления уголовного розыска России генерал-лейтенанту милиции Вячеславу Михайловичу Трубникову за идею этой серии романов.

В книге использованы подлинные случаи из жизни великих российских сыщиков И.Д. Путилина и А.Ф. Кошко.

Пролог

Молодой человек приподнял воротник шинели и решительно шагнул мимо швейцара в услужливо распахнутые перед ним двери. Одновременно с морозными клубами пара, охватившими его с ног до головы, голову пронзила короткая мысль: «Господи! Куда меня несет?» Но ноги уже вынесли его за порог в стылую круговерть снега и ветра навстречу едва-едва пробивающемуся сквозь метель серенькому рассвету.

Некоторое время он постоял на крыльце, по ступеням которого только что прошелся метлой гостиничный дворник. Прошелся спустя рукава, больше для отвода глаз, чтоб понятно было, что службу свою справляет примерно, даже сейчас, когда на улице буянит пурга и ветер плюется снегом прямо в лицо, а мороз тут же хватает за ухо, неосмотрительно вылезшее из-под башлыка.

Заметив застывшего в нерешительности молодого человека, дворник, обращая на себя внимание, громко откашлялся и – вероятно, тут сыграла свою роль кокарда, тускло блеснувшая из-под башлыка постояльца, – вытянулся во фронт и произнес четко и громко, словно фельдфебель на плацу при строевом смотре:

– Чего изволите приказать, вашскобродие? – Скинув шапку, зажал ее в рукавице и, не замечая снега, тут же забившего его патлатую голову, уточнил: – По делу куды направляетесь али позавтракать собрались?

«Ну, остолоп! Всю дорогу закудыкал!» – недовольно поморщился молодой человек, но вслух ничего не сказал, лишь протянул дворнику гривенник и приказал:

– Поймай извозчика, да поприличнее!

– Сей минут, вашскобродие, – засуетился дворник и, оставив молодого человека наедине с лохматой метлой и широкой деревянной лопатой, скрылся в воротах, за которыми, несмотря на завывания пурги, шумел, просыпаясь, город Североеланск – центр огромной Североеланской губернии, растянувшейся с севера на юг на несколько тысяч верст вдоль великой сибирской реки, разделившей Сибирь, словно гигантский пирог, на две доли – Западную и

Восточную.

Молодой человек спустился с крыльца, сразу оказавшись по колено в снегу, и, высоко поднимая ноги, словно бредущий по болоту журавль, двинулся к воротам. Но они распахнулись ему навстречу, и в проеме вырос дворник с развевающейся бородой и красным от мороза, а может, от чрезмерного усердия лицом.

– Из-звольте проводить, вашскородие, к дрожкам. – Он вытянул руку в громадной рукавице в сторону темного пятна, видневшегося рядом с тротуаром. – Извозчик, по правде, так себе! Но по такой погоде, сами понимаете… – Он развел руками. – Всех разобрали-с!..

То, что дворник гордо назвал «дрожками», на самом деле оказалось легкими плетеными санками с низким сиденьем для пассажира и узкой дощечкой, перекинутой спереди, для извозчика. Молодой человек хмыкнул и оглянулся на дворника. Тот моментально юркнул во двор, справедливо полагая, что «вашскородие» вряд ли решится гоняться за ним по глубокому снегу, чтобы выяснить, почему дрожки вдруг превратились в пошевни, а вместо рослого лихача-извозчика повезет его в присутственное место самый что ни на есть захудалый «ванька» в рваном тулупе, порыжелой овчинной шапке и кнутом за опояской из обрывка старых вожжей.

Честно сказать, у молодого человека основательно чесались кулаки, но он уже прилично запаздывал, погода и без того была мерзопакостной, да и дворник наверняка успел ретироваться в дворницкую, поэтому он молча уселся в санки, тщетно пытаясь укрыться от снежных зарядов, попавших за воротник шинели. Он уже пожалел, что не надел подаренную матушкой бобровую шубу, но как бы он выглядел в глазах местных служак в первый же день своего появления в управлении? Небось тут же сочли бы за выскочку или, того хуже, подумали, что он не тот, за кого себя выдает на самом деле…

Молодой человек, которого еще совсем недавно нянька называла «золотцем» и баловала тайком от матери копеечными ржаными пряниками на меду, сердито сдвинул густые темные брови, шмыгнул коротковатым крепким носом и приказал:

– На Тобольскую, двадцать! Живо!

Извозчик хмыкнул, взгромоздился на свое сиденье и пробурчал:

– Шибко шустрый барин! Али дорог наших не знашь?

Несмотря на свой достаточно юный возраст, пассажир прекрасно знал о пагубной страсти российских извозчиков клясть на чем свет стоит отечественные дороги в надежде выторговать лишний пятачок, и потому на вопрос ответил вопросом:

– Сколько за скорость?

– Двугривенный, – лихо ответил возница и, свистнув, огрел мохнатую, всю в белом куржаке лошаденку кнутом.

Санки дернулись с места, а пассажир подумал, что в Питере по такой погоде с него непременно слупили бы рубль, а то и полтора, и решил, что слухи о баснословной сибирской дешевизне не лишены основания, что несколько подняло его настроение.

Деревянные полозья легко скользили по снегу. Санки подпрыгивали на ледяных буграх, а то вдруг шли юзом по косогору, и тогда извозчик спрыгивал со своего сиденья и бежал рядом, словно пытался удержать хилую свою лошаденку от падения, а сани от удара о массивные деревянные тумбы-вертушки, пестревшие афишами местного театра и объявлениями, сообщавшими об открытом зимнем чемпионате сибирских губерний по французской борьбе. Краем глаза молодой человек отметил пару знакомых фамилий, из тех борцов, которые начинали еще как атлеты-гиревики и мастера русской борьбы на поясах. Теперь судьба забросила их в далекую Сибирь, чтобы попытать счастья на ее цирковых аренах и вернуть былую славу и чемпионские ленты.

Санки в очередной раз занесло на повороте. И молодой человек, чтобы не вылететь на обочину, крепко схватился за спинку саней, успев подумать, что дворник был недалек от истины, обозвав его «экипаж» дрожками. Несколько раз у него неприкрыто дрожали колени, когда сани заваливались вдруг набок на особенно горбатой улице или мчались сквозь чрезмерно узкий и кривой переулок.

Наконец они выехали на широкую и достаточно прямую, мощенную булыжником улицу. Дворники успели расчистить проезжую часть, но на тротуарах еще лежали сугробы, которые форсировали немногочисленные прохожие, в основном кухарки с корзинами и молочными бидонами в руках, да несколько гимназистов в серых шинелях, по самые глаза закутанные в башлыки.

Однако по мостовой уже вовсю сновали ломовики на телегах с длинным плоским настилом для грузов, крытые пролетки с чиновниками, досыпавшими последние сны по дороге на службу, дровни, полные березовых и сосновых чурок…

Ржание лошадей и ругань извозчиков, стук копыт по обледеневшим булыжникам и лязг обитых железом полозьев – все это сливалось в один общий, какой-то бестолковый гул, перекрывавший завывания ветра, который, точно испугавшись этой сумятицы, внезапно стих, а вместе с ним прекратил валить снег. И тотчас перед взором молодого человека открылся ряд каменных и деревянных двух-, трехэтажных домов, бойко взбегающих по пологой горе вплоть до каменной гряды, плотно заросшей темным лесом.

Справа внизу виднелась напоминавшая торную дорогу, широкая, не занятая строениями и лесом полоса снега, и молодой человек понял, что это и есть река, которую ему не довелось вчера увидеть по причине позднего прибытия дорожной кареты.

Внезапно новые звуки вторглись в многоголосый шум и гам, усилившийся с приближением к базарной площади, которую возница санок предусмотрительно обогнул за квартал, пояснив:

– У меня тут давеча два барина сбегли. Упитанные вроде, солидные, а как только с базаром поравнялись, с санок спрыгнули да в толпу шмыг и сгинули, только я их и видал. – Он деловито высморкался и добавил с обидой: – Ширмачи,[1 - Воры-карманники.] не иначе, ежели не хуже. Рожи-то наели поперек себя шире. Ногами ходить тяжко. Вот и накатали по городу на рупь с полтиной, а рассчитываться, не-ет, не желают-с. А я их еще навеличивал: «Ваше степенство да ваше степенство…», а оно вишь как вышло. Форменное «ваше свинство»! – Обернувшись к пассажиру, настороженно посмотрел на него. – А вы не сбежите?

– Зачем? – удивился молодой человек. – Я, считай, первый день в Североеланске.

– Ну, то-то! – удовлетворенно произнес возчик и вдруг, привстав на сиденье, принялся нахлестывать лошаденку кнутом, заставляя ее прижаться к тротуару. Тотчас суматоха овладела всей улицей. Насколько хватало глаз, извозчики, кучера, ломовики спешно освобождали проезжую часть, торопливо жались к обочинам.

Молодой человек высвободил ухо из-под башлыка. Нет, слух не подвел его. Едва различимый звук перерос в звон колокольчиков, а извозчик неожиданно и торопливо перекрестился и почему-то испуганно выкрикнул:

– Ягеря царские едут! Гляди, барин, вон оне! – и он кивнул головой на вырвавшиеся откуда-то сбоку из-за низких купеческих лабазов две отличные, похожие друг на друга как две капли воды гнедые фельдъегерские тройки, запряженные в одинаково короткие повозки. На той и другой разудало посвистывали в залихватски заломленных шапках ямщики и, раскручивая над головой кнуты, поносили во всю силу своих молодецких легких замешкавшихся или зазевавшихся прохожих. В каждой тележке сидели по два пассажира: слева жандарм в серо-голубой шинели, справа – молодой человек в гражданском платье.

Промчались дико сверкающие глазами, пена на удилах, стремительные тройки, и жизнь на улице потекла по-прежнему.

– На Иркутск пошли, – пояснил извозчик своему молчаливому пассажиру. – Видно, важных каких повезли. Торопятся… – Извозчик опять перекрестился, заметив его отсутствующий взгляд.

А молодой человек всего лишь представил себя в этот момент на месте одного из осужденных. Разве не был он на шаг от подобной участи? И если бы не заступничество дядюшки, везли бы его сейчас курьерской скоростью на Нерчинские рудники как миленького, как этих неожиданно повстречавшихся на пути бедолаг – несчастных его сверстников…

Да, именно заступничество дядюшки – Владимира Гавриловича Сверчкова – начальника I отделения при Санкт-Петербургском управлении полиции, его личное прошение на имя Вячеслава Константиновича Плеве, директора департамента полиции, избавило его юного племянника от нешуточных неприятностей, которые он накликал на свою голову в силу молодой дурости и

нежелания прислушиваться к совету старших и потому более мудрых и осторожных родственников.

Послужной список молодого человека, сиявший чистотой и белизной непотревоженного снега, чуть было не испортила весьма нелестная запись, которая подобно крепостной стене навсегда бы преградила ему путь к продвижению по службе. Но это были еще цветочки по сравнению с перспективой понести заслуженное наказание за избиение должностного лица при исполнении им государственной службы…

Но тем не менее он ни разу не посетовал, не укорил себя, что, уступив благородному порыву души, ввязался не в свое дело, чуть не погубив свое будущее. Хотя как сказать, как сказать! Молодой человек задумчиво хмыкнул и окинул взглядом серую вереницу зданий. Нет, все-таки Североеланск хотя и мерзкая дыра и самое подходящее место для ссылки, но приехал он сюда без жандармского эскорта и почти без принуждения. И нужно признать, что губернский, пусть и сибирский город – еще не самое худшее место, где ему придется отсидеться некоторое время, чтобы из памяти начальства выветрились обстоятельства порочащего его проступка. Правда, даже его хитромудрый дядюшка не знал, сколь долго придется пробыть провинившемуся племяннику в добровольном изгнании. Год, два, а может, и все пять. Пути господни неисповедимы, так же как и анналы начальственной памяти. А ведь так хорошо все начиналось!..

Только что отгремела музыка на выпускном балу Горного института. На новеньких погонах засверкала первая звездочка. Молодой человек закончил курс с отличием, дядюшка подобрал ему приличное место в столице в одном из департаментов Министерства внутренних дел. Будущее высвечивалось радужными красками, но… И зачем он ввязался в это нелепое пари?..

Кутили у знакомой актрисы. Кому-то из приятелей не хватило дамы. И вновь испеченный подпоручик, подогретый вином и восторгом скорого приобщения к тому тревожному и возвышенному, что внушало ему одно лишь звучание слов «государева служба», неожиданно для себя заявил, что сей момент отправится к мадам Дежаль, содержащей пансионат для учениц балетной школы, и пригласит одну из воспитанниц на ужин. Зная не понаслышке о свирепом нраве хозяйки пансионата, ему не поверили. Он уперся, заспорил, тогда его решили поймать на слове и заключили пари.

Уже стоя на тротуаре и кутаясь в плащ под проливным дождем, он понял, что вся его затея изначально была обречена на провал. Но отступать было поздно, к тому же он не привык ударять в грязь лицом и, уповая лишь на счастливый случай, двинулся вперед с отвагой и беспечностью истинного искателя приключений.

По-видимому, случай также искал его, и наконец они встретились!

Не прошел он и двух кварталов, как из темной арки проходного двора навстречу ему выбежала девушка. Стараясь обойти его, она неожиданно споткнулась и почти упала в его объятия, но тут же как-то по-особому легко вывернулась и быстрым шагом пошла в обратную сторону. Впереди на углу горел фонарь, и в тусклом его свете растерявшийся подпоручик наблюдал, как ее высокая тонкая фигурка исчезает за пеленой усилившегося дождя. Однако, пробежав несколько шагов, девушка вдруг остановилась, вгляделась в застывшего на месте молодого человека и, когда он поспешно приблизился к ней, схватила его за руку.

– Господин офицер! – Она была сильно взволнована, а вернее, перепугана до смерти. – Умоляю вас, помогите! Пожалуйста, проводите меня, я живу неподалеку… Идемте же скорее, я вам все объясню…

Она старательно прятала нижнюю часть лица за шелковым шарфом, но он успел-таки рассмотреть, что незнакомка весьма недурна собой. Особенно хороши были глаза. В окружавшем их полумраке он не смог понять, какого они цвета, но они были так глубоки и прекрасны и смотрели на него с такой мольбой и надеждой… Нет, она совсем не походила на ночную камелию. Но это был тот самый случай, которого он искал.

– Я к вашим услугам, мадемуазель! – Он учтиво склонил голову и взял ее под локоть.

– Скорее, скорее идемте! – заторопила она его и потянула за собой.

– Да, да, немедленно, – согласился поручик и добавил: – Только нам не в эту сторону.

– Ну как же не в эту? Я живу сразу за каналом, – возразила она, еще ничего не понимая.

– Но вы, право, не то говорите, – попытался убедить ее подпоручик, удерживая незнакомку за рукав. – Сейчас вы пойдете со мной. Нас ждут мои друзья. Весьма приятное и славное общество.

– Пустите! – Она попыталась вырваться.

Но он держал крепко.

– Как вам не стыдно! – Подпоручику показалось, что она вот-вот зарыдает от отчаяния. Но не зарыдала. Лишь гневно задрожали крылья маленького изящного носа. – Я доверилась вам, попросила помощи, а вы… – Она внезапно вздрогнула и, прижавшись к нему, замолчала, стараясь спрятать лицо за отворотом его плаща.

Сзади грузно затопали чьи-то сапоги. Подпоручик оглянулся через плечо. Рослый жандарм без плаща, в промокшем насквозь мундире бежал к ним, не разбирая дороги, разбрызгивая грязь и лужи.

Придерживая одной рукой болтавшуюся слева шашку, другой он схватил девушку за плечо и грубо выдернул ее из объятий подпоручика.

– Спасибо, ваше благородие, – проговорил он, задыхаясь, – чуть не упустил паскуду!

И тогда подпоручик понял, что совершил подлейший поступок.

– Ты пьян, скотина! – крикнул он и толкнул жандарма в грудь.

– Господин офицер! – Жандарм даже не покачнулся, лишь с недоумением посмотрел на ошалевшего подпоручика и ухватил девушку уже за обе руки. Потом, тяжело дыша, нагнулся к его уху и прошептал: – По политическому делу! Понимаете?

В подогретой винными парами голове подпоручика лихорадочно метнулись мысли: схватить жандарма и удерживать его, пока она не скроется?.. попытаться его обмануть, назвавшись агентом охранки?.. или оглушить чем-нибудь по голове?.. Он даже оглянулся по сторонам в поисках чего-нибудь тяжелого, но, как назло, а вернее, к счастью, никаких пригодных для подобной цели орудий по такой темноте и погоде поблизости не обнаружил.

И опять решение ему подсказал его верный соучастник случай.

Из-за угла выкатилась пролетка, порожняя, без седока.

Подпоручик рванул девушку из рук жандарма и, увлекая за собой, кинулся наперерез экипажу, схватил лошадь под уздцы.

– Садись! – прокричал он истошно.

И, вскочив вслед за ней в пролетку, заорал что было сил кучеру:

– Гони!

– Стой! – опомнился жандарм, бросился следом и на повороте изловчился, заскочил на подножку экипажа.

– Гони! – опять закричал подпоручик и в пылу азарта ткнул жандарма кулаком в зубы.

– Стой! Не уйдешь! – прорычал тот и, ухватив подпоручика за грудки, резко дернул на себя. В следующее мгновение его ноги сорвались с подножки, и уже в обнимку с задержанным жандарм вывалился на булыжную мостовую. Подпоручику повезло. Совершив почти полный кувырок в воздухе, он приземлился на обмякшее жандармское тело, отделавшись синяком под глазом, куда противник заехал ему локтем во время падения.

Жандарм оказался живучим. И хотя пострадал сильнее, в себя пришел мгновенно. Из рассеченной губы текла кровь. На лбу красовалась приличная ссадина, но он продолжал удерживать подпоручика, да так, что тот вдруг понял, что игры в казаки-разбойники закончились и пришла пора рассчитываться за

свои поступки.

Он попытался ухватить жандарма за пояс и перекинуть через себя, применив один из приемов французской борьбы. На мгновение ему удалось ослабить захват его лапищ, но тут же схлопотал по уху. Жандарм был настроен решительно.

– Ах ты, скотина! На офицера руку поднимать! – заорал подпоручик негодующе, заметив краем глаза, что пролетка с девушкой скрылась за углом по направлению к набережной. Он знал, что до развода Николаевского моста оставались считанные минуты, и, если она сообразит, куда ей следует ехать, она спасена. И тут же понес полную околесицу, прикинувшись мертвецки пьяным, но жандарм продолжал его удерживать и приказал подоспевшему на помощь дворнику спешно отыскать извозчика.

– Ничего, господин офицер, ответите ужо за то, что убивицу не дали споймать, – проговорил он угрожающе, загружая подпоручика в пролетку, и велел извозчику отвезти их в ближайшую часть.

Там-то все и выяснилось. Девица и впрямь оказалась не ночной камелией. Тем паче не маменькиной дочкой, неосторожно задержавшейся у подруги.

За несколько минут до встречи с подпоручиком она на выходе из Английского клуба ударила ножом в грудь шефа столичных жандармов и, воспользовавшись непогодой и суматохой, благополучно скрылась.

В отделении по охране порядка и общественного спокойствия, куда доставили вскорости подпоручика, ему почти вежливо объяснили, что он помог спастись государственной преступнице, члену Исполнительного комитета «Народной воли» Александре Завадской, уже полгода находящейся в розыске по делу о покушении на жизнь великого князя. По ее сигналу бомбометальщики привели в исполнение жестокий приговор, который они вынесли старику лишь за то, что он был дядей императора. Бомбой князю оторвало ноги, и он скончался в мучениях посреди мостовой в луже собственной крови на глазах у потрясенных горожан. Но об этом подпоручик узнал позднее от разъяренного дяди. Тогда же он увидел фотографию Завадской и изумился необыкновенной одухотворенности ее невыразимо прекрасного лица.

– Фанатичка! – пробурчал дядька и изорвал фотографию в клочья, когда племянник попытался уверить его в том, что столь красивая женщина просто по природе своей не способна на подобные жестокости. – Чудовище! – добавил он еще более сердито и вышел из кабинета, хлопнув дверью так, что закачался и чуть не брякнулся на пол портрет государя императора, висевший над столом начальника I отделения.

Эти события чуть не легли черным пятном на «формулярный список о службе и достоинстве подпоручика Алексея Полякова».

В графе 7-й, вопрошавшей: «В штрафах по суду или без суда, также под следствием был ли, когда, за что именно и чем дело кончено?», только благодаря дядькиному вмешательству не появилась запись:

«Приказом по Департаменту Горных разработок и разысканий Российского Министерства внутренних дел от десятого июля 188… года за № 18 объявлено, что подпоручик Поляков по произведенному над ним Военному суду и собственному сознанию оказался виновным в проступках, учиненных в нетрезвом виде, а также в нанесении побоев жандармскому унтер-офицеру…»

В конце концов дело уладилось. Обошлось малой кровью. С подпоручика взыскали денежный штраф на удовлетворение обиженных им лиц и на покрытие разъездных расходов судебных чиновников. Но тем не менее поволноваться и помучиться из-за неопределенности своего дальнейшего существования ему довелось основательно. И хотя из показаний пострадавшего жандарма напрочь исчезло упоминание об истинной причине ночной схватки, Алексей Поляков вынужден был на какое-то время расстаться с мыслями о блестящей столичной карьере и отправиться туда, куда осмотрительный Макар даже телят не гонял, побаивался… И это с его-то образованием, с его амбициями и запросами, с его грандиозными планами на будущее!

…Санки в очередной раз подпрыгнули на ледяном бугре и притормозили у высокого крыльца трехэтажного, выкрашенного в желтый цвет здания. Вывеска, висевшая слева от входной двери, в которой то и дело исчезали согнувшиеся под ударами вновь разыгравшегося ветра разновозрастные чиновники, возвещала, что его многотрудное и многодневное путешествие закончилось. Но он не испытал по этому случаю особой радости. На вывеске значилось просто: «Североеланское городское управление полиции» и чуть ниже: «Канцелярия». Здесь ему и предстояло служить в должности младшего помощника

делопроизводителя благодаря не только роковой встрече на ночной улице, но, более всего, самодурству своего родного дяди, который решил, что служба в полиции будет весьма существенным наказанием для племянника и хорошим тормозом в случае принятия им очередного опрометчивого решения.

Алексей Поляков вздохнул и ступил на обледенелую ступеньку…

Глава 1

Федор Михайлович Тартищев возвращался домой по обычаю поздно. Солнце спустилось уже за острый клюв горы Кандат и окружило ее вершину светящимся ореолом. Пройдет несколько минут, и окрестная тайга погрузится в темноту, но высокое летнее небо долго еще останется светлым, и река в этом голубоватом полумраке будет похожа на расплавленное серебро, а теплый ветер непременно разгонит прилипчивую мошку – истинный бич горожан до той поры, пока жадная стрекоза не поднимется на крыло.

В полнолуние фонарей в городе не зажигали даже в ненастье, но сейчас стояла ясная погода, и Федор Михайлович вполне спокойно перешел через горбатый мостик, перекинутый через овраг, разделявший улицу Хлебную, на которой он прожил, почитай, четверть века, на две неравные части. Одна из них, большая, с особняками богатых купцов – торговцев лесом, солью и мехами, с булыжной мостовой и множеством лавочек и магазинов, осталась за спиной Тартищева, а перед ним лежала почти деревенская улица с маленькими, утопающими в зарослях черемухи и сирени домишками мелких чиновников и отставных военных.

Несмотря на тот достаточно высокий пост, который Тартищев занимал последние десять лет, он так и не съехал с этой улочки, находя здесь истинное отдохновение для души, истерзанной изнурительной и вовсе неблагодарной работой.

Сапоги мягко ступали по роскошной дорожной пыли. Из зарослей донника и полыни доносилось мерное стрекотание цикад, и, вздохнув умиротворенно, Тартищев погладил свою небольшую аккуратную бороду, представив на мгновение, как будет вскоре пить чай в беседке под цветущей сиренью,

смотреть на огромную луну, встающую над дальними горами, а Дозор будет ласткться к ногам и проситься погулять на воле…

И нужно еще непременно поговорить с Лизой… Тартищев вытащил из кармана брегет, врученный ему генерал-губернатором, как отмечено было его превосходительством: «За особое усердие», и посмотрел на циферблат. Удрученно хмыкнул. Часы показывали одиннадцатый час, и Лиза наверняка уже в постели… Он опять хмыкнул, теперь достаточно сердито. Вот уже неделю служебные заботы не позволяют ему серьезно поговорить с Лизой. А ведь дело не терпит отлагательства. Дочь с ее буйной фантазией и непредсказуемыми поступками не раз ставила его в щекотливое положение. До некоторого времени ему удавалось успокаивать себя, что озорство вполне объяснимо и допустимо в ее возрасте. Пусть потешит душу, пока не замужем. Пусть повеселится, подурачится, наконец, но два месяца назад дочери исполнилось семнадцать. Пора уже браться за ум. Но она, как и прежде, не следит за своим языком, гоняет на лошади по островам и на все намеки отца о том, что пора бы уже и остепениться, иначе всех женихов распугает, Лиза отшучивается, посмеивается над отцовскими страхами, а то и откровенно дерзит, когда он начинает проявлять, как ей кажется, излишнюю настойчивость…

Сапоги Федора Михайловича ступили на мягкий спорыш обочины. Он усмехнулся. Великое дело привычка. Сегодня он, чтобы продлить удовольствие от ночной прогулки, решил сделать крюк и обогнуть старинное купеческое кладбище, задами выходящее на Хлебную, но ноги сами собой вынесли его к высоким чугунным воротам, запертым на огромный, похожий на свернувшуюся клубком собаку замок.

Но Тартищев знал об этом и прошел чуть правее ворот. Издавна здесь была устроена лазейка для обитателей Хлебной улицы, не желавших ходить в обход кладбища. Правда, только в дневное время. Ночью здесь можно встретить лишь порскающих в разные стороны бродячих кошек да спугнуть ночную птицу, которая, сердито ухнув, поднимется на крыло и скроется в темных недрах колокольни полуразрушенной церквушки, в которой отпевали когда-то нынешних обитателей кладбища.

С трудом протиснувшись сквозь лазейку, Тартищев привычно удивился недюжинной силе того, кто умудрился выломать целых три чугунные пики из ограды, и столь же привычно посетовал, что избыток сидячей работы существенно повлиял на габариты его и так нехрупкой фигуры.

Мрачные надгробия купеческих могил с застывшими в скорбных позах херувимами, массивные кресты и купола семейных склепов четко выделялись на фоне еще более посветлевшего неба. Тартищев уже знал: стоит ему миновать могилу известного в городе владельца аптек Дедюлина-старшего, как тут же из-за склепа семьи Курашкиных вынырнет луна и высветит даже самые плохо различимые, самые пострадавшие от времени и непогоды надписи на могильных памятниках…

Курашкина?! Тартищев остановился как вкопанный. События последних дней ни в коей мере не желали оставлять его в покое. Вот уже неделю город будоражили слухи и домыслы один ужаснее другого по поводу убийства нескольких вдов когда-то первых богатеев Североеланска. Последняя из убитых старух принадлежала к семье Курашкиных. Кажется, была старшей сестрой известного в Сибири спиртозаводчика…

Михаил Федорович присвистнул и почесал за ухом. Непременно надо будет встретиться с Пантелеймоном Васильевичем. Может, и прольет какой-никакой свет на убийство своей сестрицы. Ведь были же основания у неизвестного убийцы укокошить подряд пятерых богатых и одиноких старух и ничего не взять при этом. Похоже, он только затем и забирался в дом, чтобы придушить свою жертву, а затем скрыться по крышам домов, потому что на земле никаких следов обнаружить не удавалось. Почему преступнику надо было уходить по крышам, никто, даже сам Тартищев, толком объяснить не мог. Убийства совершались между тремя и четырьмя часами ночи, когда ни одной живой души на улице не сыщешь, а окна обывательских домишек надежно защищены ставнями…

По правде, поначалу все сводилось к тому, что убийца удалялся с места преступления чуть ли не на крыльях, но после убийства третьей жертвы, вдовы владельца алебастровой фабрики Бальцера, у которой при удушении пошла кровь носом, на свежевыбеленной печной трубе соседнего с погибшей вдовой дома агенты обнаружили отпечаток окровавленной ладони. Вероятно, нога убийцы соскользнула по мокрой кровле, и он непроизвольно схватился за трубу. При дневном свете удалось обнаружить и сам, правда совсем слабый, след скольжения. И более ничего…

Тартищев крякнул от досады и вытащил из кармана табакерку, но так и застыл с щепоткой табака в правой руке. Прямо напротив него висела распятая на чугунных пиках ограды фигура человека. Всходившая из-за гор луна четко

высветила раскинутые вдоль решетки руки, склоненную набок лохматую голову, согнутые в коленях ноги. Одет человек был то ли в длинный плащ, то ли в шинель, потому что одна пола зацепилась за острие пики и полностью закрывала правую руку.

«Господи! – Федор Михайлович едва сдержался, чтобы не перекреститься, и тут же деловито подумал: – Никак удавленник или, того хуже, пьяный лез через ограду и напоролся на острие…»

Человек не подавал признаков жизни, но Тартищев тем не менее осторожно приблизился к нему, вгляделся внимательно и поначалу ничего не понял, обнаружив вместо лица нечто бесформенное, притиснутое к ограде. Потом сообразил. Похоже, это всего лишь старая фетровая шляпа, которая сползла с головы человека и прикрыла его физиономию.

Тартищев прислушался. Ничего. Абсолютная тишина. Никаких тебе шорохов и звуков. Человек не шевелился, но следов крови на его одежде Тартищев не заметил, так же как не почувствовал запаха спиртного. Висел человек достаточно высоко, поэтому Федор Михайлович, опять же с трудом, пролез теперь уже в другую щель в ограде, как раз напротив первой, и оказался на родной Хлебной улице. До дома оставалось саженей сто, он даже видел отблески света на листьях сирени, росшей в палисаднике. Его верный денщик Никита никогда не ложился, не дождавшись барина. Но по долгу службы и прежде всего по совести Федор Михайлович не мог позволить себе пройти мимо человека, который наверняка нуждался в помощи, если был жив, конечно. Хуже, если уже мертв, но тогда тем более нельзя уйти, не выяснив, по какой такой причине он вдруг повис на кладбищенской ограде.

Тартищев удрученно вздохнул, подумав, что и Никита, и Дозор, и чай в беседке, и даже его обожаемая дочь вряд ли дождутся его домой сегодняшней ночью. Хотя впервые, что ли? Им не привыкать…

Федор Михайлович попытался подхватить человека под колени, но не тут-то было! На заборе висела настоящая туша, никак не меньше трехсот фунтов весом, да и ростом малого бог тоже не обидел. Тартищев прикинул на глаз – детина был около трех аршин ростом, и это при полусогнутых коленях…

На всякий случай Тартищев огляделся по сторонам. Из своей многолетней практики он знал, на какие ухищрения способны пойти местные жулики, чтобы ограбить припозднившегося прохожего. Даже в чучело на время превратиться, в чучело, повисшее на заборе…

Но вокруг было спокойно, огромная туша продолжала висеть, не подавая признаков жизни. И тогда Федор Михайлович решил дойти до дома и взять в подмогу Никиту, дворника и кухонного мужика Семена, чтобы совместными усилиями снять тело с ограды. Теперь он не сомневался, что это было все-таки «тело», которое, правда, еще не успело окоченеть.

В это время суток на Хлебной улице всегда бывало безлюдно, даже собаки не брехали, приученные к непременной ночной тишине и благонравию местных обывателей. Поэтому едва различимый топот лошадиных копыт и стук ободьев по редким, выглядывающим из пыли камням заставил Тартищева насторожиться. Он оглянулся. Со стороны оврага по Хлебной двигалась пролетка, и Тартищев остался у ограды. Появилась надежда позвать на помощь припозднившегося пассажира, а то и двух, вместе с кучером. Федор Михайлович не сомневался, что это кто-то из задержавшихся в городе соседей. Другого просто не могло быть.

Он вгляделся в остановившуюся напротив пролетку. Место кучера занимал неопрятно одетый парень лет двадцати с прыщавым лицом. Лоб и глаза скрывались за волосами. Он спрыгнул на землю и спросил:

– Что происходит, папаша? Хочешь стрюка ломануть?

– Подойди, нужно снять мужика с ограды! – приказал Тартищев, делая вид, что не обратил никакого внимания на «стрюка». Парень, похоже, желал произвести впечатление, правда, не знал, с кем свела его ночная дорога.

Не выпуская из рук кнутовище, вихляющей походкой он приблизился к Тартищеву. Был он достаточно высок, но слишком худ и выглядел так, будто его подвесили на дыбу и хорошенько растянули.

– Чего ж не помочь, – улыбнулся парень, показав щербатые зубы, – особливо хорошему человеку. – Он повернулся к пролетке. – Эй, Данила, канай сюды, тут какой-то стрюк шатанный[2 - Стрюк шатанный – загулявший барин.] на заборе

завис.

Данила вылез наружу и оказался приземистым крепышом в драной поддевке и в опорках. Тартищев насторожился. Этот тип тоже был ему совершенно незнаком.

– Спасибо, господа, я сам управлюсь, – сказал Тартищев и на всякий случай стал спиной к ограде, настороженно следя за действиями парней.

Данила, не обращая на его слова никакого внимания, нагнулся и пошарил под сиденьем кучера, а долговязый приблизился к ограде и хихикнул:

– Да мы поглядеть только! – Он деловито потрогал висевшего на ограде за ногу и с любопытством посмотрел на Тартищева. – Удавился, что ли? Или пришил кто?

Он подошел к Тартищеву еще ближе. Тот опустил руку в карман и только теперь вспомнил, что оставил свой «смит-вессон» в сейфе. Всегда носил его с собой, но сегодня почистил и, как назло, оставил… Он был полностью безоружен и слишком хорошо понимал, что должна быть веская причина, чтобы подобная братия болталась в столь поздний час на окраине города в шикарном экипаже, который им явно не по карману. Он достаточно долго занимался своей работой, чтобы сообразить, что, кажется, попал в ловушку. Поэтому, когда прыщавый, резко развернувшись, выбросил вперед кулак с кастетом, Тартищев схватил его левой рукой за запястье, а правой нанес удар в солнечное сплетение. Парень, взвизгнув, повалился в пыль и засучил ногами, хватая воздух открытым ртом.

Данила кошкой бросился на Тартищева, а из пролетки уже выскакивал третий, грузный, похожий на татарина мужик с изрытым оспинами лицом. Он размахивал чем-то похожим на городошную биту.

Однако Тартищеву было не до созерцания третьего противника, надо было разобраться со вторым. Крепыш оказался толковее прыщавого. Он ловко увернулся от удара кулаком и, упав на землю, обхватил Федора Михайловича за колени. Тот чуть было не потерял равновесие, но, зацепив парня за уши, резко дернул вверх, отчего тот заверещал от боли и вскочил на ноги. Недолго думая, Тартищев заехал носком сапога по его колену и тут же нанес страшный удар локтем в лицо. Он торопился покончить с крепышом, пока в драку не ввязался татарин. Парень охнул и беззвучно свалился в дорожную пыль, орошая ее кровью, обильно льющейся из разбитого носа. Тем временем прыщавый встал на

колени и зашарил в пыли, видимо, в поисках кастета.

Более всего на свете Федор Михайлович не любил, когда в драке применяют кастет, поэтому сразу же опустил каблук на правое запястье парня, отчего тот вновь завопил как резаный.

Татарин бросился на Тартищева, замахнулся, целясь в колени, но в последний момент взмахнул битой вверх и чуть не раскроил ему череп. Тот успел уклониться и с силой отшвырнул нападавшего на Данилу, который копошился в пыли, пытаясь подняться на четвереньки. Но татарин устоял на ногах и вновь бросился на Тартищева. Тот поднырнул под его руку, уходя от страшного удара битой, но от второго увернуться не успел. Левая рука вмиг онемела.

Очухавшийся прыщавый парень вцепился в Тартищева сзади, и тот упал. Сверху навалился татарин. Тартищев барахтался под ним, пока Данила бегал кругами, стараясь улучить мгновение для решающего удара. Прыщавый тоже суетился рядом, не причиняя Федору Михайловичу особого вреда.

Данила, выхватив биту у татарина, замахнулся – видно, хотел оглушить Тартищева, чтобы потом добить наверняка. Федор Михайлович дернулся в сторону, и удар пришелся по голове татарина. Тот обмяк, а Тартищев вскочил на ноги и оттолкнул его к ограде кладбища. Татарин смачно приложился рябой физиономией к чугунным прутьям и, захрипев, свалился к подножию ограды.

«Ну, этот свое схлопотал», – успел подумать Тартищев и повернулся к Даниле, но чуть опоздал, потому что бита уже опустилась. Он резко вскинул голову, и удар пришелся сзади по шее. Ноги у него подкосились…

– Попал! – завопил прыщавый. – Ты его пришил! Вытряхни ему мозги!

– Лезь в телегу! – заорал на него Данила. – Уносим ноги, пока легавые не прискакали!

– Давай дубинку! – заверещал в ответ парень. – Я ему сейчас всю требуху выпущу! Смотри, что он сделал с моей рукой!

– Это же Тартищев! Старый легаш Тартищев! Бугай приказал только вправить ему мозги!

Федор Михайлович лежал неподвижно лицом вниз. Он слышал голоса, но не разбирал слов. Лошадь слегка похрапывала неподалеку от него, однако он не мог пошевелить ни руками, ни ногами и тщетно силился сдвинуться с места, чувствуя, как пот от мучительных усилий струйками стекает по спине и лицу. Заставив себя напрячь плечи, он с превеликим трудом встал на колени и только тогда сумел приподнять голову от земли.

Тем временем Данила успел затащить бесчувственного татарина в пролетку. Прыщавый, чья правая рука висела как тряпка, продолжал канючить:

– Всего один разочек, и я его урою! Ну, разочек!

– Оставь его, – рявкнул Данила, – лезь на свое место!

Тартищев поднял голову. Прыщавый, выругавшись, запрыгнул на место кучера, натянул вожжи одной рукой, прикрикнул на лошадь, и пролетка медленно покатила прямиком на Федора Михайловича. Данила бросился на своего подельника и стал вырывать у него вожжи. Пролетку швыряло из стороны в сторону, но она продолжала все быстрее и быстрее катиться на Тартищева. В какой-то миг ему показалось, что она промчится мимо, однако он ошибся. Он попытался отдернуть руку и откатиться в сторону. Но не успел. Дикая боль пронзила левое предплечье…

Он почувствовал, что теряет сознание, и яростно выругался, прекрасно понимая, что никто его не услышит. Погружаясь в темноту, вдруг заметил еще одного человека, вскакивающего в пролетку… Нечеловеческий вскрик, грохот и треск, затем дикое ржание лошади было последним, что донеслось до его сознания. И Федор Михайлович, успев прошептать что-то нечленораздельное, упал лицом в траву…

Глава 2

Тартищев открыл глаза и с недоумением огляделся по сторонам. Он находился в незнакомой полутемной комнате, лежал в чужой постели, укрытый тяжелым атласным одеялом. Он приподнял голову. К затылку словно привязали чугунную гирю, и он вновь упал на подушку, но успел заметить пожилую даму в кружевном чепце, которая дремала над вязаньем в широком кресле под цветком с огромными, причудливо изрезанными листьями.

Он вновь повторил попытку подняться, оперся о край кровати и чуть не закричал от резкой боли, пронзившей, казалось, все тело. Он шепотом выругался, вытер ладонью пот со лба и принялся разглядывать аккуратную повязку, охватившую левую руку от локтя до желтых от йода кончиков пальцев, выглядывающих из-под бинтов. Наконец-то он все вспомнил! Только каким образом он очутился в этой постели? Если бы его подобрала полиция, то сейчас бы он лежал на койке в городской больнице или в Сухопутном госпитале. Если его нашли соседи, то непременно бы доставили домой… Выходит, ни те и ни другие…

Федор Михайлович осторожно кашлянул, пытаясь привлечь внимание своей ночной сиделки. Та мгновенно встрепенулась, поправила сползшие с глаз очки и всмотрелась в Тартищева.

– Боже славный! – Она всплеснула руками и расплылась в улыбке, отчего ее круглое лицо с носиком-пуговкой сложилось в сдобную сайку с глазами-изюминками. – Очнулись! – И, повернувшись к выходу из комнаты, крикнула: – Алеша! Идите скорее, Федор Михайлович пришли в себя!

В дверях появился рослый молодой человек. Он был без сюртука, в светлой рубахе с засученными рукавами и в темном галстуке. Из-за галстука торчала салфетка. Видно, ужинал или завтракал? Тартищев скосил глаза на окна, но они были закрыты ставнями, а представление о времени он потерял с того самого момента, как получил тот страшный удар по шее.

– Который час? – спросил он и закашлялся. Горло пересохло, и слова давались ему с трудом.

– Восьмой, – ответил молодой человек и, повернув голову, крикнул: – Глафира! Квасу неси барину, живо!

На пороге вмиг появилась босая растрепанная девка с глиняной кринкой в одной руке и большой фаянсовой кружкой в другой. Через мгновение Тартищев с наслаждением пил холодный, отдающий в нос кисло-сладкий напиток. Наконец он вновь откинулся головой на подушки и требовательно посмотрел на молодого человека:

– Ну-с, голубь мой, рассказывайте, кто вы такой и как я здесь очутился?

– Вы желаете снять допрос? – Молодой человек усмехнулся. – Но боюсь, что ввиду вашей неподвижности мне самому придется записывать собственные показания. По правде, сегодня я только тем и занимаюсь, что выполняю вашу работу.

– Не понял! – насторожился Тартищев. – Каким образом ты можешь выполнять мою работу? Ты знаешь, кто я такой?

– Знаю, – спокойно и нисколько не тушуясь под его взглядом, ответил молодой человек. – Вы – Федор Михайлович Тартищев, начальник североеланского уголовного сыска.

Тартищев хмыкнул и всмотрелся в лицо молодого человека. Лицо как лицо. Светлые волосы, густые темные брови, слегка короткий прямой нос, по-детски пухлые розовые щеки, но линия губ резкая, со складочками по краям, что, несомненно, говорит о характере. Усы только намечаются, видно, отпущены совсем недавно. Смотрит хотя и исподлобья, но не враждебно. И подбородок у него крепкий, и задирает он его точно так же, как и сам Тартищев с четверть века назад, когда хотел показать, что не конфузится под начальственным взором… Кто ж он такой? Судя по одежде, не из приказчиков, да и нет в его глазах той угодливости и подобострастия, что выдают человека подобной профессии с первого взгляда. И на мелкого чиновника вроде тоже не похож, слишком уж прямо смотрит в глаза и не теряется при ответе…

– Служишь где? – спросил он уже более миролюбиво. – Или на маменьких хлебах отсиживаешься?

Бровь у молодого человека при упоминании о маменькиных хлебах сердито дернулась, но ответил он достаточно сдержанно:

– Служу, – и, заметив, что Тартищев выжидательно смотрит на него, уточнил: – Помощником делопроизводителя в канцелярии…

«Так он все-таки чиновник, – подумал удовлетворенно Тартищев, – из достаточно мелких, но наверняка из тех, которые годами ждут повышения по службе в силу неуживчивости и строптивости собственного нрава».

– Где ты нашел меня?

Молодой человек с недоумением посмотрел на него.

– Там, где вы лежали. На Хлебной, рядом с купеческим кладбищем.

– Как ты там очутился? Живешь, что ли, поблизости?

– Нет, я живу на Качинской. А на Хлебную попал по чистой случайности.

«Ничего себе!» – прикинул мысленно расстояние между двумя улицами Тартищев, а вслух сказал:

– Ты не находишь странным, что оказался за полночь на другом конце города сразу после того, как начальника сыскной полиции чуть было не спровадили в могилевскую губернию?

Молодой человек пожал плечами, но вместо ответа на этот вполне резонный вопрос кивнул головой на выход и хмуро заметил:

– Что с этими мерзавцами делать? Я их немного поспрашивал, говорят, что их какой-то бугай нанял, чтобы вас немного проучить. Ничего существенного по сути дела выяснить не удалось.

Тартищев опешил:

– Не хочешь ли ты сказать, что задержал их?

– Задержал, – пожал плечами молодой человек, – невелика была задача, после того как вы их отходили как следует.

– Что ж, они совсем не сопротивлялись?

– Сопротивлялись, – усмехнулся молодой человек, – пришлось немного поучить. – И он потер правый кулак.

Только теперь Тартищев заметил сбитые костяшки пальцев, вспомнил дикий крик, услышанный перед тем, как впасть забытье, и покачал головой:

– Отчаянный ты, однако! Один против трех…

– Против двух, – уточнил молодой человек, а Тартищев отметил для себя, что тот не склонен приписывать себе заслуг больше, чем есть на самом деле.

– А почему привез их сюда, не сдал в полицию?

– Не до того было! – пояснил молодой человек. – Надо было вас привести в божеский вид, вот я их и связал, загрузил в пролетку, потом вас перенес и прямиком сюда, к Марии Кузьминичне. Два часа с вами возились, раны промывали, перевязывали. Рука сильно повреждена, колесом кожу сорвало, но кости, слава богу, целы. А этих, что на вас напали, в подвал спустили, после того, как я поспрашивал их, конечно.

– Нет, все-таки надо было сдать их в полицию, – сказал Тартищев, – думаю, они тебе и десятой доли не сказали, что следовало бы.

– Сказали, – насупился молодой человек, – они еще опомниться не успели после того, как я их поучил маленько, поэтому тряслись от страха так, что зубы лязгали. До полиции они бы в себя пришли и успели бы друг с другом сговориться, а так я их по горячим следам – ап! Все рассказали как миленькие!

Тартищев вновь удивился, но, как и прежде, не подал виду. Его новый знакомый действовал как опытный агент, по крайней мере сам Федор Михайлович именно так бы и поступил, выжал бы из негодяев все до последней капли, пока они не расчухались как следует.

– Хорошо, – он внимательно посмотрел на юношу, – говоришь, все записал?

– Слово в слово, – Он потянулся к столу и взял несколько листков бумаги. Быстро пробежал их глазами, потом протянул Тартищеву. – Нанял их в трактире «Магнолия» какой-то малый, заплатил задаток. Кто такой, никто из них не знает. Помнят, что здоровенный. Истинный бугай! Лицо, говорят, не рассмотрели. Слишком низко шапку натянул, а в трактире темно было. Думаю, что не врут…

– С чего ты взял, что не врут, – усмехнулся Тартищев, – это такой народец! Мать родную за грош с полтиной заложат.

– Я их по отдельности расспрашивал, – нахмурился молодой человек, – разницы в показаниях не наблюдается…

– Ишь ты, не наблюдается, – покачал головой Тартищев и углубился в чтение. Конечно же, допрос был оформлен не по форме, видно, его новый знакомый понятия не имел, что такое протокол, но… – Молодец! – протянул удивленно Тартищев. – Расколол ты их просто замечательно. И приметы все налицо. Одно ты упустил, голубчик, сдай ты их в полицию, мои ребята тут же в «Магнолию» наведались бы и этого бугая живенько бы под белы рученьки взяли и тепленьким в арестантскую спровадили.

– Я был в трактире в назначенное им время, утром, сразу после открытия, – пробурчал молодой человек. – Переоделся попроще и зашел. Не было там никого похожего. Не пришел он на встречу.

– Ладно, – махнул рукой Тартищев, – теперь это уже не твое дело по трактирам рыскать. Мои орлы с этим лучше справятся. Молодчиков этих я распоряжусь пока в арестантскую препроводить, там ими займутся должным образом. А тебе превеликое спасибо, что не оставил в беде. Обязательно доложу об этом твоему начальству. Ты по какому ведомству проходишь?

– По полицейскому, только, я ж сказал, в канцелярии… – сконфузился молодой человек и вдруг заговорил быстро, торопливо, словно боялся, что Тартищев не выслушает его до конца: – Федор Михайлович, господин надворный советник, заберите меня к себе. Иначе я от скуки пропаду на своей должности. С ней любой писарь справится, а у меня образование, и я живого дела хочу… – Он судорожно сглотнул слюну. – Я очень много наслышан о вас. И в эту ночь за вами

следом шел, хоронился только, чтобы не заметили раньше времени. Я вас около калитки хотел встретить. Когда вы через кладбище пошли, я бегом припустил и у палисадника вас дожидался, потом слышу: шум, крики… Бросился на помощь… Не успел, правда…

– А почему официально рапорт не подал, что хочешь служить в сыскной полиции?

– Некоторые обстоятельства имеются, я о них лично хотел вам рассказать.

– И для этого надо было встречать меня в темном закоулке? – усмехнулся Тартищев.

– Так на службе вас сроду не застанешь! – воскликнул с отчаянием в голосе молодой человек. – К тому же начальник канцелярии в служебное время по личным делам ни в какую не отпускает.

– Знаю, знаю Аристарха Владимировича. Цербер, каких поискать! – махнул здоровой рукой Тартищев и попросил: – Позови кого-нибудь, чтобы помогли мне одеться.

– Я послал кучера Марии Кузьминичны за вашим денщиком, Федор Михайлович, – хмуро объяснил молодой человек. – Думаю, привезет его с минуты на минуту. Я наказал, чтобы захватил чистую одежду и белье. – Он просунул руку под плечи Тартищева и помог ему сесть на постели, потом протянул ему бархатный халат. – Накиньте пока, и пройдемте в столовую. Хозяйка велела завтрак подавать. Пироги у нее, право, замечательные.

– Пироги, говоришь? – улыбнулся Тартищев. – Пироги я люблю… – И спохватился: – А как звать тебя? Битый час беседы ведем, а ты так и не представился.

– Алексей Поляков. В прошлом году закончил с отличием курс Горного института.

– И что ж тебя в полицию занесло, горного инженера-то? Места не нашлось подходящего?

– Я же сказал, обстоятельства так сложились, – отвел глаза в сторону Алексей и тут же вновь с вызовом посмотрел на Тартищева. – Возьмите меня к себе, Федор Михайлович. Не пожалеете. Меня ведь тоже учили глубоко копать…

– Ишь ты, копать! – рассмеялся Тартищев и с веселым изумлением посмотрел на Алексея. – А ведь и вправду есть что-то общее. Только мы ведь больше в дерьме копаемся, дорогой мой, в отбросах человеческих. И то, что нарыть сумеем, далеко не золото или изумруды какие…

– Я знаю, – упрямо произнес Алексей и повторил. – Возьмите, не пожалеете.

– Хорошо, я подумаю. – Тартищев окинул его внимательным взглядом. Молодой человек ему определенно нравился. Но он не привык доверять первому впечатлению. Однако следует присмотреться. Федор Михайлович натянул с его помощью халат и сделал несколько нетвердых шагов в направлении выхода из спальни. И внезапно остановился. – Постой, – он схватил юношу за руку, – а что с тем мертвяком, который на ограде висел, ты его так и оставил?

– С каким мертвяком? – удивился Алексей. – Я ничего не заметил.

– Как не заметил? – поразился Тартищев. – Там же такая туша на ограде висела!

– Никого там не было, – упорствовал Алексей, – я же вас от ограды на себе нес, если б кто-то висел, я бы заметил. Может, вам показалось?

– Как же, показалось! – усмехнулся Тартищев. – Из-за этого чучела, можно сказать, все и заварилось.

– А я думаю, это было вроде наживки, чтобы отвлечь ваше внимание.

– Выходит, меня, как ерша, поймали? На дохлую муху?

– Не думаю, что муха дохлой была, – сказал Алексей задумчиво, – сумела ведь она улететь до моего появления…

Пироги и впрямь оказались превосходными. К своему удивлению, Тартищев съел их не меньше десятка. И с мясом, и с грибами, и с вареньем… Но особенно удалась рыбная кулебяка. Отродясь такой вкуснотищи не пробовал Федор Михайлович и даже тайком подумывал, каким образом разузнать у хозяйки секреты приготовления столь замечательного кушанья. И сливки у Марии Кузьминичны превосходные, свежие да сладкие, только что сами в рот не просятся…

Чего греха скрывать, любил Федор Михайлович хорошо покушать, правда, за работой не всегда это удавалось, да и бывало, что со службы придешь – кусок в рот не лезет от усталости. Хотя кухарка у него была отменная. Лет двадцать уже отработала. Его покойной супруги, Лизиной матушки, бывшая крепостная…

Особенно щи да селянки у нее хорошо получаются, каши разные, калачи белые, а вот пироги так себе… Честно сказать, Федор Михайлович этого не замечал, пока не попробовал сегодняшних пирогов, и растаял… Расслабился… Но ненадолго! На пороге столовой возник Никита с узлом под мышкой и, взяв под козырек, привычно отбарабанил:

– Ваше высокоблагородие господин надворный советник Федор Михайлович! Бывший унтер-офицер Отдельного Сибирского полка Никита Коломейцев ваш приказ исполнил. Исподнее и портки чистые доставил, а рубаху Лизавета Федоровна забыли положить… Позволите домой смотаться? За рубахой-то…

Тартищев крякнул от досады и махнул рукой. Он не сомневался, что, пошли Никиту по делам хоть двадцать раз подряд, все равно что-нибудь забудет или перепутает. Точно так же, как и его драгоценная дочь…

– Я вам свою рубаху дам, – предложил Алексей.

– Пожалуй, ты худее меня будешь, – засомневался Тартищев.

– Зато в плечах шире, – без тени смущения заявил молодой человек. – Надевайте, не стесняйтесь, а то, пока ваш денщик вернется, на службу опоздаем.

– Ой, Федор Михайлович, – почти по-бабьи охнул денщик, вновь появившись на пороге, – тут к вам кульер от полицмейстера прискакал. Требуют, чтоб на

Тагарскую мчались со всех ног. – Он оглянулся на дверь и прошептал: —Там, кажись, барина важного какого грохнули. То ли Дельмаса, а может, Дильмаса…

– О боже, – схватился за голову Тартищев, – Дильмац! Еще мне этого не хватало! – И принялся лихорадочно переодеваться, не переставая выговаривать Никите: – Ты что ж, голова садовая, молчишь? Сразу надо было сказать. – С трудом пропихнув раненую руку в рукав сюртука, спросил сердито: – Давно курьер ждет?

– Это жандарм-то? Да он, почитай, сразу за мной и примчался. Ему барышня сказала, где вас найти! А я говорю ему: «Федор Михайлович завтракают!» А он: «Вот я тебе в рыло, докладывай сей момент!» А я ему…

– Идиот! – взревел Тартищев и посмотрел на Алексея. – Давай со мной! Будешь записи для меня делать, видишь, сам я не в состоянии.

– А как же?.. – заикнулся Алексей, но Тартищев перебил его:

– С твоим начальством сам разберусь. – И предупредил: – Беру к себе на один день, а потом посмотрим! Согласен?

– Еще бы! – Алексей не верил своему счастью. Один день работы рядом с легендарным Тартищевым многого стоил. Он натянул сюртук и поспешил вслед за ним и за Никитой, не подозревая, что уходит из дома гостеприимной Марии Кузьминичны навсегда…

Глава 3

ПРОТОКОЛ

об осмотре найденного мертвого тела

188… года, июня месяца, 6 числа.

Город Североеланск Североеланской губернии.

Мной, околоточным надзирателем, унтер-офицером Матвеем Петровым Задиреевым, при нижеподписавшихся понятых: крестьянине села Медвежье Североеланской губернии Никиты Данилова Быстрова – извозчике и мещанине Панфилы Васильева Семизвонова – приказчике бакалейной лавки купца Копытова – составлен сей протокол в следующем:

В ста шагах от сворота на улицу Тагарскую усмотрен мной при обходе Нижне-Согринского переулка лежащий близ дороги без всяких признаков жизни неизвестный мне человек. По прибытии на место нахождения тела в сопровождении вышепрописанных понятых в семь часов утра оказалось, что действительно, на обочине проезжей части лежит мертвое тело неизвестного человека, одетого в городское платье, окровавленное истекавшей из его головы кровью.

По наружному осмотру трупа оказалось: труп лежит лицом к земле, ногами к дороге, а головой к забору питейного заведения «Лакомый кусочек». На голове трупа много запекшейся крови с прилипшей к ней землей. И при касании к черепу он оказался раздробленным на затылке. От большого истечения крови и отека на лице мертвого невозможно различить его черты. Волосы на голове и бороде трупа темно-русые. Труп лежит, вытянувшись, с распростертыми руками. Около трупа видны большие потоки крови, впитавшиеся в землю. Шапки при трупе не найдено. Одет же труп в кафтан из нового серого сукна не крестьянской работы, на ногах плисовые шаровары и новые сапоги, шитые на косую колодку. Кафтан опоясан новым шерстяным кушаком лилового цвета. На одежде, окромя воротника кафтана, по которому сбегала кровь из раны на голове, пятен крови не найдено. В карманах убитого никаких бумаг, определяющих его личность, не обнаружено, как то: денег и других вещей или предметов.

По общему виду трупа убитый человек должен быть средних лет. Около трупа на земле каких-либо следов, показывающих признаки борьбы, нет. Следов от сапог много. Видно, что после убийства труп поворачивали, так как на затылке и спине трупа есть несколько земли. Найдена одна окровавленная перчатка хорошей

кожи, изготовленная на фабрике «Ланге и К°», довольно поношенная и, вероятно, оброненная убийцей. Так как нельзя полагать, что убитый, более всего походящий по виду на приказчика или слугу из хорошего дома, носил господские перчатки. Однако они могли быть ему подарены за хорошую службу. Недалеко от места, где лежит убитый, замечены следы спрыгивания с забора неизвестного лица. Судя по глубоко ушедшим в землю отпечаткам каблуков и следам подошв, человек этот изрядного веса и роста.

Для охранения мертвого тела мною поставлен караул из трех городовых полицейской стражи: Шаталова, Аксенова и Матерова.

Протокол сей за подписями моею и находившихся при осмотре понятых представил г-ну полицейскому приставу Семенову, а перчатку взял к себе на хранение до востребования. О случившемся немедленно донес господам судебному следователю Божко и тов. прокурора Карнаухову…

– Молодец, Задиреев! – сказал Тартищев и передал протокол Божко. – Судя по следам, убийца и вправду крупного телосложения.

– Да, лапа у него никак не меньше полуаршина, – почесал в затылке околоточный. – И косолапит немного.

– С чего ты взял?

– А вы посмотрите, ваше высокоблагородие, как у него каблуки скошены. Вовнутрь.

– Точно косолапит. – Тартищев склонился к следам, потрогал их края и задумчиво посмотрел на Задиреева: – Ночью дождь был?

– Никак нет, ваше высокоблагородие! Всю ночь ни облачка.

– Смотри, Алексей, – Тартищев растер между пальцев желтоватый комочек. – Дождя ночью не было, роса не выпадала, но песок по краям следа до сей поры влажный. О чем это говорит?

Алексей внимательно посмотрел на Тартищева: то ли подсмеивается, то ли действительно хочет знать его мнение. Нет, все-таки не шутит.

– Я думаю, здесь одна причина. Вчера утром шел сильный дождь, но днем было жарко, лужи высохли, а здесь, в переулке под высоким забором, сырость сохраняется дольше. Смотрите: основание забора затянула зеленая плесень. Да тут, похоже, никогда не просыхает как следует.

– И что из этого следует?

– Возможно, на сапогах у убийцы остались следы земли.

– Молодец, – протянул довольно Тартищев и вновь наклонился к следу, жестом подозвав к себе Алексея. – А ну-ка, можешь сказать, сколько времени прошло с момента этого прыжка?

– Ну, часа два-три, – неуверенно произнес Алексей. – Поверхность следа слегка затвердела и покрылась трещинами. По краям он слегка осыпался, и это как бы сгладило его очертания. Комочки песка на следе подсохли, смотрите, они слегка светлее, чем сам след…

– Достаточно убедительно, не правда ли, Аркадий Маркович? – Тартищев поднялся с колен и отряхнул ладони от песка. – Молодежь мыслит логично и пытается утереть нам нос. – Он подмигнул Алексею. – Давай, сынку, не скрывай, что еще углядел по данному вопросу, я ведь вижу, что углядел…

Алексей решительно сдвинул брови. Похоже, старый лис Тартищев вознамерился устроить ему форменный экзамен, но он был к этому готов…

– Смотрите, Федор Михайлович, – Алексей присел на корточки и ткнул в след пальцем, – на поверхности следа можно заметить раздавленные кусочки мха и сухие сосновые иголки. Вероятно, убийца принес их на подошве. Но где здесь можно найти мох, разве только в лесу?

– Ты прав. – Тартищев присел рядом и жестом подозвал к себе судебного следователя. – Аркадий Маркович, как вы думаете, где убийца мог подцепить на свои подошвы мох и хвойные иголки?

– Могу предположить, что он проходил через городской парк, но это с полверсты отсюда, поэтому, если бы что-то и прилипло к сапогам, все бы осталось на мостовой, – заметил глубокомысленно следователь. – Камни сухие, все бы, как теркой, содрало. Значит, мог приехать на извозчике, но извозчику в переулке не развернуться. Поэтому убийце все равно пришлось бы какое-то расстояние идти пешком. Но насколько я понимаю, на дороге никаких ошметков грязи, подобных тем, что наблюдаются в отпечатках следов, не обнаружено. Так что, по всему видно, убийца поджидал убитого за забором, к которому подошел со стороны «Кусочка». Вполне возможно, дело не стоит выеденного яйца: мерзавец решил разжиться чужим бумажником, и вот вам закономерный результат.

– Нет-с, за забором, разрешите обратиться, ваше высокоблагородие, он тоже не мог поджидать, – слегка конфузясь от того, что приходится перечить начальству, произнес надзиратель. – Следов топтания на той стороне не обнаружено-с.

– Что ж он, как птица, по-твоему, летает? – уставил на него сердитый взгляд Божко. – Откуда ж ему прыгать, как не с забора?

– Прощу прощения, господа, – Алексей неуверенно улыбнулся, – мне кажется, что он мог спрыгнуть с крыши вон того особняка… – кивнул он на соседнее здание.

– Когда кажется, креститься надо, молодой человек, – усмехнулся следователь, – только ненормальный решится на подобный прыжок. Тут же не меньше тридцати футов…

– Тем более что с подобной высоты никто из-за бумажника рисковать не будет, – заметил Тартищев. – Сдается мне, это здание примыкает к дому, где проживал Дильмац?

– Не совсем-с, – ответил Задиреев, – между крышами зазор имеется около сажени шириной. Но при сноровке его можно запросто перепрыгнуть.

– Ты давно там бывал? – спросил Тартищев, не сводя глаз с конька крыши, с которой, предположительно, спрыгнул убийца.

– Да нет, не приходилось, раньше особой надобности не было. Снизу смотрел, знаю, что к чему, а так по чердакам дворник ходит, бочки с водой да ящики с песком на случай пожара исправно раза два в неделю проверяет. И мне еще вчерась докладывал, что все спокойно на вверенном ему участке.

Божко недовольно цыкнул зубом и сердито посмотрел на Тартищева:

– По-моему, Федор Михайлович, вы совершенно без всяких на то оснований пытаетесь свести оба убийства в одно дело. Проще надо мыслить и не превращать все в спектакль.

– Простите, Аркадий Маркович, но, думаю, мне как начальнику сыскного отделения позволительно уточнить некоторые детали, которые кажутся несколько странноватыми. Два убийства неподалеку друг от друга и почти в одно и то же время…

– Федор Михайлович, позвольте мне проверить? – Алексей подошел к стене здания. – Я попробую взобраться наверх и посмотреть, что к чему.

Тартищев с изумлением уставился на него.

– Сдурел, однако? Тут же отвесная стена!

– Не совсем, видите, несколько кирпичей выпало… – Не договорив, Алексей подпрыгнул, ухватился пальцами за верхнюю плаху забора, ловко подтянулся, потом уцепился за края выемки, образовавшейся на месте выщербленных непогодой кирпичей, ногу поставил в ту, что ниже и поменьше, и в мгновение ока оказался на черепичной крыше.

Присев на корточки, он некоторое время рассматривал черепицу в том месте, откуда, предположительно, мог спрыгнуть убийца, и наконец ликующе прокричал:

– Есть, есть следы! Такие же, как внизу, кусочки мха и иголки… – Он поднял голову и вдруг, не произнеся ни слова, побежал, хватаясь за края черепицы, к одной из десятка печных труб, возвышавшихся над крышей, скрылся за ней, но через мгновение выглянул и прокричал еще более радостно: – Здесь он

отсиживался, за трубой. Тут прямо лес настоящий. Тополь растет и сосенка маленькая. Видно, семена ветром занесло, а крышу мохом затянуло. Вот тут заметно даже, как сапог у него соскользнул, и веточка у тополя надломлена. Совсем еще свежий надлом, листья почти не завяли…

– Видите, Аркадий Маркович, – не скрывая своего торжества, Тартищев посмотрел на следователя, – убийца действительно спрыгнул с крыши.

– Я с вами ни в коей мере не согласен, Федор Михайлович, – сухо произнес Божко и, вытащив из кармана табакерку, принялся набивать короткую, украшенную причудливой резьбой трубку. – Вполне возможно, там лазил дворник или мальчишки гоняли голубей.

– Алексей, – Тартищев словно не обратил внимания на ту порцию яда, которую излил на него судебный следователь, – посмотри, не пришел ли он со стороны дома Дильмаца?

– Хорошо, – раздалось на крыше, и быстрые шаги загрохотали по черепице.

Прижав здоровой рукой фуражку к голове, Тартищев заспешил во двор, за ним засеменил, придерживая шашку, надзиратель. У трупа остались два городовых в темно-зеленых мундирах и серо-синих шароварах. Взяв шашки наголо, они встали на караул на некотором расстоянии от трупа, чтобы перекрыть доступ зевакам, вот уже второй час толпившимся в начале переулка, и где пребывал на посту еще один городовой с огромными усами, внушительно торчавшими из-под черной суконной шапки с козырьком и латунным номерным знаком с гербом Североеланска.

Божко снисходительно хмыкнул, пожал плечами и неторопливо отправился следом, оставив после себя недолгий запах хорошего табака.

Во дворе его встретил Тартищев и с явным злорадством произнес:

– Ну-с, дорогой Аркадий Маркович, кто из нас прав на этот раз? Молодой человек перемахнул этот проем играючи. Выходит, убийце не составило никакого труда оказаться на крыше, с которой он перебрался в комнату Дильмаца.

– Любите вы всякие сложности, Федор Михайлович! – усмехнулся скептически Божко. – Рисковать жизнью из-за нескольких золотых монет, серебряной мыльницы и двух орденов? По мне, только сумасшедший может решиться на подобную авантюру.

– Не думаю, что убийца забрался в дом, чтобы прихватить подобные безделушки, за которые он вряд ли много выручит, – ответил сухо Тартищев, – вернее всего, предметом его вожделения был сундук с деньгами и документами. Он даже пытался оторвать его от пола, и это уже говорит о его недюжинной силе. И он вырвал все-таки одно кольцо, но что-то помешало ему, и он вынужден был бежать…

– Но зачем ему, помимо Дильмаца, надо было убивать еще и этого горемыку? Может, это его сообщник и они что-то не поделили?

– Нет, Аркадий Маркович, отношения поначалу выясняют не таким способом, а сверху прыгают, чтобы напасть на противника. С сообщниками так не поступают.

Они вновь вышли в переулок и задрали головы вверх. Алексей показался на крыше.

– Позвольте! – крикнул он и, присев на краю крыши, сиганул вниз.

– О, дьявол! – вырвалось у Божко, резво отскочившего в сторону. – Предупреждать надо, молодой человек…

– Так я и предупредил, – сконфузился Алексей, – крикнул: «Позвольте!»

– Просто Аркадий Маркович представить себе не могли, что ты махнешь с подобной высоты, – с ангельской улыбкой на устах, но с ядовитой интонацией в голосе произнес Тартищев и тут же склонился к следу, оставленному Алексеем. – Смотрите, господин следователь, а следы, однако, один к одному, только что последние несколько меньше!

Тот недовольно хмыкнул в усы, но присел рядом с Тартищевым и Алексеем.

– Хорошо, частично вы меня убедили, что убийца спрыгнул с крыши, но доказать, что он причастен к убийству Дильмаца, думаю, будет трудновато.

– Федор Михайлович! – подал голос Алексей. – На крыше дома, где проживал Дильмац, я отыскал место, где трубу обвязывали веревкой. Совсем свежий след. Трубу белили, по-видимому, недавно, известка еще мажется, и след хорошо заметен. На краю крыши, – уточнил Алексей, – я нашел волокна от пеньковой веревки, которые зацепились за проволоку ограждения. Вот они! – показал он несколько грязновато-серых нитей, намотанных на указательный палец. – Веревка, судя по всему, тоже старая, разлохмаченная…

– Выходит, он проник в дом через окно? – с негодованием произнес Божко. – Но в комнате, где лежит убитый, все окна заперты.

– Я думаю…

– Ишь ты, они еще думают, – прервал Алексея Божко и, повернувшись к Тартищеву, пробрюзжал: – Где вы откопали этого умника?

– Сей тайны не выдаем! – рассмеялся Тартищев и подмигнул Алексею: – Давай свои соображения, сынку!

– Я думаю, – сухо повторил Алексей, – убийца пролез через окно туалетной комнаты. Камердинер, помните, сказал, что летом его всегда держат открытым для вентиляции…

– Но окно достаточно узкое, – недовольно скривился Божко, – а судя по следам, неизвестный крупного телосложения.

– Просто это подтверждает, что он ловок и силен, – произнес сухо Тартищев и посмотрел на Алексея: – Ну, следопыт, пошли посмотрим, есть ли следы на стене туалетной комнаты…

Злополучное окно выходило на задний двор, аккурат на дровяные сараи, но они не прилегали к стене, поэтому подобраться с них к окну не представлялось никакой возможности. Под самим окном никаких следов тоже не обнаружили.

Стена же, судя по всему, давно не белилась и не штукатурилась, но Алексей, подставив к ней предложенную дворником лестницу, внимательно исследовал ее вокруг окна и выше, изрядно испачкав при этом сюртук и брюки. Наконец он спрыгнул с лестницы и, не замечая того скепсиса, с которым Божко окинул его взглядом, подошел, довольно улыбаясь, к Тартищеву.

– Подлинно так, Федор Михайлович, что убийца спускался по веревке. В двух местах, можете сами убедиться, – кивнул он на лестницу, – хорошо заметны свежие нарушения штукатурки, след скольжения носка сапога при спуске и четко отпечатанные каблук и часть подошвы. Последнее подтверждает, что поднялся на крышу он тоже по веревке. – Не удержавшись, он с явным торжеством взглянул на Божко. И тут же отвел взгляд. Судебный следователь смотрел на него с откровенной злостью, почти с ненавистью.

Тартищев натянул потуже фуражку и приказал околоточному:

– Покажи убитого слугам Дильмаца. Авось узнают его…

– Слушаюсь, ваше высокоблагородие! – поднес руку к козырьку Задиреев. – А протокол писать?

– Мне тебя учить? – вопросом на вопрос ответил Тартищев и поднял голову на звук открывающегося окна. Сверху вниз на него смотрел начальник местного охранного отделения Ольховский. Ласково улыбаясь, он спросил:

– Есть ли у вас какие-то распоряжения насчет мертвого тела князя, Федор Михайлович? А то уже из мертвецкой за ним приехали.

– Сейчас буду, – сухо ответил Тартищев и справился: – Надеюсь, ваши агенты, Бронислав Карлович, все оставили на своих местах, пока мы занимались наружными исследованиями?

– Обижаете, – еще более ласково, почти нежно пропел Ольховский. – Мои агенты действуют точно-с по инструкции. Все описали, оформили должным образом. Не изволите ознакомиться?

– Изволю, – ответил Тартищев и кивнул головой Алексею: – Пошли, умник, в комнаты.

– Но мы же их уже осматривали?

– Ничего, – похлопал его по плечу Тартищев, – повторение – мать учения! Осмотрим еще раз с учетом открывшихся обстоятельств да попутно охранке фитиль вставим, потому что сей немаловажный факт проникновения убийцы через окно агенты Ольховского как раз и не усмотрели. Руку даю на отсечение, что не усмотрели! – уточнил он с довольным видом и, твердо ступая, преодолел шесть ступеней парадного крыльца и с тем же хозяйским видом вошел в распахнутые двери особняка, где несколько часов назад известного путешественника, австрийского подданного, князя Отто Людвига фон Дильмаца удавили подушкой в собственной постели.

Глава 4

Они прошли в гостиную, в которой собрались по причине важности случившегося вице-губернатор Хворостьянов, окружной прокурор Драгомыслов, шеф местных жандармов штаб-офицер Лямпе и полицмейстер Батьянов. Тут же пребывал и Ольховский, который в момент появления Тартищева наливал себе чаю из самовара.

Комнату заволакивали клубы густого табачного дыма. Высокопоставленная компания сидела здесь с самого утра в надежде дождаться результатов дознания, которое одновременно вели агенты сыскного и охранного отделений, жандармский и судебный следователи. Губернатор велел докладывать ежечасно о ходе предварительного следствия. Но пока докладывать было нечего, и господа нервничали, предвидя те неприятности, которые посыплются на их головы после вечернего рандеву с губернатором.

Появление Тартищева они встретили с надеждой, но весьма умело скрыли это за маской капризного недовольства.

– Где вас черти носят, Федор Михайлович? – проворчал Хворостьянов. – Уже два часа прошло с момента обнаружения тела, а вы все топчетесь на месте!

Тартищев решил привычно огрызнуться, заявив, что не только его агенты занимаются дознанием, но, посмотрев на Лямпе и Ольховского, решил промолчать, чтобы не обострять отношений.

– В соседнем переулке обнаружено еще одно мертвое тело, и есть все основания полагать, что это тоже убийство и оно связано каким-то образом с убийством Дильмаца.

– Подробнее, пожалуйста, – приказал Хворостьянов и, отставив в сторону бокал с вином, с помощью которого компания приводила в порядок расшатанные нервы, поднялся на ноги и, заложив руки за спину, принялся ходить по гостиной.

– Я считаю, что нужно представить всю картину убийства Дильмаца целиком, прежде чем делать какие-то выводы, – заметил Лямпе. – И обратите внимание, Федор Михайлович, что убит иностранный подданный, знаменитый на весь мир путешественник, а это может привести к печальным последствиям, даже дипломатическому скандалу со стороны Вены.

«Что ж, они войной пойдут на нашу Тмутаракань?» – хотел отпарировать Тартищев, но промолчал, заметив тяжелый взгляд Хворостьянова.

– Хорошо, – он повернулся к Алексею, – подай сюда протоколы и твои записи.

Продолжая оставаться на ногах и не снимая шинели, он пробежался носовым платком по бритому затылку, следом столь же быстрым взглядом по бумагам, откашлялся и в упор посмотрел на Хворостьянова. Тот нервно дернул уголком рта, но прошел к креслу и опустился в него.

– Слушаем вас, – произнес он официальным тоном и, сцепив пальцы на животе, изобразил на лице полнейшее внимание.

Тартищев вновь прокашлялся и, не заглядывая более в бумаги, принялся докладывать:

– Австрийский поданный князь Отто Людвиг фон Дильмац, шестидесяти лет от роду, проживал на Тагарской улице в бывшем доме купца Ширяева, в котором мы сейчас имеем возможность находиться. Князь занимал весь первый этаж, на втором этаже никто не проживал, и ход туда перекрыт дверями на постоянном запоре. Ключи от замка находятся у дворника. В квартире два выхода, парадный с подъездом – на Тагарскую и черный – на задний двор. Парадные комнаты сообщаются с людской длинным, около десяти саженей, коридором, который заканчивается небольшими сенями. В доме проживает шесть человек прислуги: камердинер, повар, кухонный мужик, берейтор и два кучера. На ночь в квартире остается лишь кухонный мужик. Он ночует в каморке рядом с черным выходом. Камердинер и повар на ночь уходят к своим семьям, берейтор Иван Стрекалов тоже зачастую отлучается на ночь – по достоверным сведениям, это время он проводит в объятиях купчихи Марии Евграфовны Миловидовой, супруг которой Матвей Афанасьевич Миловидов большую часть года находится на принадлежащих ему рудниках и железоделательном заводе…

– Давайте ближе к делу, – с негодованием в голосе перебил его Батьянов, который, по слухам, тоже пользовался особым расположением чернобровой красавицы купчихи, – история похождений берейтора в данном случае не столь важна…

– Ну это как посмотреть, – отрезал Тартищев, понимая, что вновь вызовет гнев начальства. Но он уже закусил удила, что проделывал всякий раз, когда приходилось тянуться перед начальством в струнку и, как сейчас, разъяснять и доказывать простые истины. – Нам необходимо досконально проверить причины отлучки каждого из слуг и возможности их незаметного возвращения в дом с целью убийства своего нанимателя.

– Не отвлекайтесь, Федор Михайлович, – прервал его Хворостьянов. – С берейтором все ясно. От Миловидовой никто раньше утра не уходит. Давайте, что там касательно кучера? Или их, кажется, два?

– Оба кучера живут при конюшне в отдельном помещении. Но в ночь убийства они отпросились на крестины сына своего приятеля, лавочника Перфильева. Мои агенты проверили, они до сих пор в его доме, отсыпаются после вчерашних торжеств. – Тартищев на мгновение поднес к глазам один из листков бумаги. – Как явствует из допросов прислуги, все они, кроме кухонного работника, жили в доме фон Дильмаца с момента его приезда в Североеланск. Местом своим дорожили, пользовались большой свободой, к тому же князь платил им довольно

крупное по нынешним временам жалованье. Кухонный работник Степан Фокин поступил на службу три месяца назад, но, как удалось выяснить, у него прекрасная аттестация от его прежнего хозяина – попечителя учебных заведений Васильева, у которого он прослужил десять лет вплоть до перевода господина Васильева в Иркутск.

– Кто жил у князя до него? – спросил Батьянов.

– Сам Фокин этого не знает. Но из бесед с прислугой выяснилось, что это Гурий Казначеев, который только что отсидел в тюрьме за кражу. Мои агенты пытаются разыскать его в городе, так как не прошло еще и недели, как он освободился из-под стражи. Я направил своих людей в адресный стол и в тюрьму, чтобы выяснить, кто посещал его во время заключения.

– Так вы склоняетесь к мысли, что возможным убийцей князя был этот Казначеев? – изумился Лямпе. – У вас имеются на это веские основания?

– Пока никаких оснований, но мы обязаны проверить каждого, – ответил Тартищев устало.

– Присядьте, Федор Михайлович, – неожиданно заботливо сказал Хворостьянов, – а то на вас лица нет.

– Спасибо, мне так удобнее, – ответил Тартищев и оглянулся на дверь. Задиреев заглядывал в приоткрытую створку и делал ему какие-то знаки. – Простите, господа, я вынужден покинуть вас на некоторое время. Очевидно, открылись какие-то новые обстоятельства. – Кивком головы он приказал Алексею следовать за ним и вышел из гостиной.

– Ваше высокоблагородие, – вытянулся перед ним Задиреев, – дворник по одежке опознал в убитом бывшего кухонного мужика его светлости. Вчерась вечером он заходил к нему в дворницкую и хвастался новым кафтаном и сапогами. Говорил, что прикупил их на жалованье, которое ему выплатили.

– Давай сюда дворника, – сказал быстро Тартищев и строго уставился на кудлатого мужика, мнущего в руках облезлую заячью шапку. – Ты, что ли, дворник?

– Я, вашскобродие, я, – дворник виновато развел руками, – кто ж знал, что Гурий – убивец…

– Это не твоего ума дело! – прикрикнул на него Тартищев. – Давай рассказывай, когда ты видел в последний раз Казначеева, о чем говорили при встрече?

– Да, почитай, ни о чем! – произнес растерянно дворник. – В первый раз это дня три назад было как будто…

– Как будто или точно? – переспросил рассерженно Тартищев.

– Точно, три дня назад, как раз в пятницу… Его светлость приказали выезд заложить. Оне с утра намеревались за город выехать, по делам, так сказать, но потом отложили на понедельник… Видно, не судьба ему была! – вздохнул по-бабьи жалостливо дворник и, заметив яростный взгляд Тартищева, зачастил: – Впервые, значитца, Гурий появился в пятницу, хотел получить расчет за прежнюю службу, но его светлость были заняты и его не приняли-с, велели прийти в субботу. Приходил ли он в субботу, об этом мне неведомо, но вот в воскресенье появился сразу после обедни, хвастался, что князь ему хорошо заплатил. Сказывал, что даже на часы с цепочкой хватит. Сам-то Гурий уже и жилет с карманом по такому случаю прикупил…

– Про хозяина что-нибудь спрашивал?

– Никак нет-с, вашскобродие, не спрашивал! Мы с ним недолго говорили. Я-то, по правде, не слишком его и раньше привечал. Злобный он по натуре человек. Кошка у меня вот-вот окотиться должна была, а он ее сапогом под живот. Умерла ведь кошечка, а такая ласковая была. Детки долго плакали потом…

– Ладно, все ясно. – Тартищев повернулся к Алексею: – Запиши его показания. – И обратился к Задирееву: – Кто еще опознал Казначеева?

– Никто боле, ваше высокоблагородие, шибко уж его скособочило. Дворник ведь тоже его только по одежке опознал. А остальные его в ней не видели, потому затруднялись сказать что-нибудь…

– Кто еще видел его в доме князя?

– В субботу его видел камельдинер… Но о чем он беседовал с барином, не ведает, потому что в кабинет не заходил. Правда, подтверждает, что Гурий из кабинета вышел веселый, пальцами щелкал и насвистывал…

– А в воскресенье?

– Нет, в воскресенье и в пятницу, окромя дворника, его никто не заметил.

– Господин надворный советник, – на пороге появился агент Вавилов, посланный с утра в адресный стол и тюрьму, – разрешите доложить?

– Докладывай, только быстро! Удалось что выяснить или нет? А то начальство уже икру мечет, что на месте без толку топчемся.

– По свидетельству адресного стола, Казначеев на жительстве в Североеланске не значится. В тюрьме сидевшие с ним арестанты сообщили, что ни с кем он дружбу не водил, кроме, пожалуй, Мозалевского, который вышел на волю за неделю до Казначеева. Его приметы: роста высокого, плечистый. Лицо светлое, растительность на нем слабая. Глаза серые, маленькие, смотрит исподлобья. Навещать Казначеева в тюрьме навещали, но редко. Пару раз за те полгода, что он в остроге провел, женщина приходила, надзиратель говорит, что назвалась его женой, Екатериной Казначеевой. Живет она в кормилицах на Покровке, в доме капитана парохода «Витязь» Страшилова. Но, как удалось выяснить через проживающих в доме слуг, Казначеев у жены после отсидки не появлялся. Сама она из дома тоже в эти дни не отлучалась.

– Та-ак-с! – пробарабанил пальцами по спинке кресла Тартищев. – Кажется, запахло жареным! Алексей, – он весело подмигнул ему, – придется нам маскарад учинить. Оденься кем попроще, лакеем, полотером, да хоть чертом прикинься, но найди эту Екатерину и разузнай у нее в подробностях все о ее муже. Скажи, мол, приятель его давний и якобы присмотрел для него хорошее место. Возможно, она знает, кто его мог приютить на время. Только смотри не проговорись, что его уже в живых нет.

– А если ничего не скажет, доставить ее к вам?

– Нет, пока не стоит, посмотрим по обстоятельствам, – махнул рукой Тартищев и повернулся к Вавилову: – А тебе, Иван, будет задание пройтись по трактирам.

Возможно, уже сегодня кто-то расплачивался французскими золотыми. Возможно, кто-то похожий на Мозалевского. Судя по приметам, он вполне мог спрыгнуть с крыши. Только зачем ему это надо было, ума не приложу! – Он озадаченно хмыкнул и опять направился в гостиную, где нетерпеливое начальство, похоже, рыло копытами землю от негодования.

Глава 5

В два часа пополудни к дому капитана Страшилова подошел высокий человек в старом плаще, разбитых сапогах и картузе, надвинутом на глаза. В нем с трудом можно было узнать Алексея, тем более что нижнюю часть лица он прятал за толстым шарфом, обмотанным вокруг шеи.

Сначала он спустился в дворницкую, поговорил некоторое время с дворником, потом подошел к черному ходу и позвонил. Дверь отворила кухарка.

– Позови-ка мамку Катерину, мне с ней повидаться надо на пару минут, – сказал Алексей и окинул кухарку не совсем приветливым взглядом.

Она недовольно поджала губы и прикрыла за собой двери. Правда, оставила небольшую щель, что позволило визитеру надеяться, что его просьба не пропадет даром.

Через несколько минут на пороге появилась дородная белобрысая баба в красном платье и светлом переднике с орущим младенцем на руках. Она резво перебрасывала его с руки на руку, отчего младенец на какое-то время затихал и таращился на мир маленькими круглыми глазенками.

– Чего надобно? – спросила Екатерина не слишком дружелюбно.

– Мужа твоего, Гурия, – в тон ей ответил Алексей, – я его давний приятель.

Екатерина окинула его подозрительным взглядом и нахмурилась.

– Знать не знаю, где он ошивается. Срок освободиться ему уже поболе недели как вышел, но тута он не появлялся.

– Ну, язви его в душу, – произнес с сожалением в голосе молодой человек, – а я для него место держу в мясной лавке. Пятнадцать рублей жалованья и на всем готовом. Пойду искать другого земляка. Хотелось, конечно, оставить это место для Гурия, но время не терпит.

– Постой, мил человек, – схватила его за рукав Катерина, – он у дядьки своего Кондратия завсегда останавливается, когда без места.

– Адрес скажешь?

– Вторая Разъезжая, дом Огурцова. Кондратий Лексеич там в кухонных мужиках служит…

Почти в то же самое время на грязной половине трактира «Три великана» появился один из лучших агентов Тартищева Иван Вавилов, юркий человечек с маленькими черными усиками и такой же бородкой. В старой фуражке со сломанной кокардой, в засаленном сюртуке и дешевых штучных брюках, он смахивал на мелкого чиновника, любящего заложить за воротник, и по этой причине внимания к своей особе не привлекал.

В зале дым стоял коромыслом. За столиками со сбившимися грязными скатертями, на которых перемешались тарелки с закусками, пустые бутылки и пьяные рожи особо рьяных завсегдатаев, сидели и полулежали на стульях посетители, чей вид не оставлял никакого сомнения, каким образом они зарабатывают себе на жизнь. Проститутки успешно марьяжили[3 - Завлекали.] своих клиентов, «коты»[4 - Сутенеры.] и хипесники[5 - Воры, грабившие мужчин, которых приводили к себе проститутки.] караулили проституток, тырбанили слам[6 - Делили добычу.] «фортачи»[7 - Воры, проникавшие в квартиры через форточки.] и «поездушники»,[8 - Воры, промышлявшие кражами с проезжающих экипажей.] ширмачи[9 - Воры-карманники.] и портяночники.[10 - Воры, срывавшие шапки или вырывавшие сумки из рук.] Между столиками с подносами в руках сновали и огрызались на посетителей половые в длинных красных рубахах, в черных жилетах и таких же брюках с напуском на высокие сапоги. Из бильярдной доносились стук шаров и пьяные возгласы. Здесь вовсю шла игра в

пирамиду и карамболь.

Вавилов протолкался в бильярдную, сел за столик и заказал бутылку пива.

Пьяный сброд все прибывал. Вонь от давно не мытых тел, запахи перегара и мочи, табачный дым, непрерывный мат и визги шлюх не помешали Вавилову справиться с одной бутылкой пива и заказать вторую. Одновременно он успевал держать в поле зрения и входную дверь в зал, и следить за перемещениями публики внутри бильярдной. Некоторые из вновь прибывших, не задерживаясь, проходили в незаметную, прикрытую занавеской дверь в противоположном от стойки углу комнаты. Вавилов знал: за ней начиналась лестница, ведущая на второй этаж соседнего с трактиром дома, где в крошечной комнате катрана[11 - Карточный притон.] крутили мельницу[12 - Игра шулеров между собой.] или разводили лоха[13 - Вовлечь намеченную жертву в картежную игру.] известные в округе чесальщики[14 - Шулеры.] Злоказов и Пилюкин.

Сам катранщик[15 - Содержатель карточного притона.] был давним агентом Тартищева, и поэтому сыскари заглядывали сюда редко, но точно знали, кого и когда раздели до кишок[16 - Выиграть у жертвы все, вплоть до одежды.] и кто из «иванов»[17 - Вор, работающий по-крупному, авторитетный вор.] вовсю сорил деньгами…

Перебрав взглядом одного за другим всех посетителей этого зала, Вавилов удостоверился, что никого похожего на Мозалевского здесь нет, поэтому вернулся в общий зал и устроился за столиком недалеко от буфета. Все столы были заняты, и в соседях с ним оказались две проститутки – ярко крашенные девки, которые были уже изрядно навеселе. Возле них увивались кавалеры – Гмызь и Чернуха, мелкие карманные воры, не брезговавшие ограбить пьяного или сорвать шапку с припозднившегося прохожего.

Окинув взглядом гуляющую публику, Вавилов натянул фуражку и подошел к буфетчику.

– Что скажешь?

– Никого похожего, ваше благородие! – Буфетчик опасливо зыркнул глазами по сторонам и вытер пот со лба тыльной стороной ладони. – Никого-с в помине!

– Французскими монетами никто сегодня не расплачивался?

– Хранцузскими? – удивился буфетчик. – Да мы и не знаем таких!

– Постой, Данила. – Пробегавший мимо половой взгромоздил на стойку поднос с грязной посудой. – Сегодня поутру завалился один хмырь болотный, выпил три рюмки водки, закусил балыком и кидает мне в оплату золотой. «Получи, дескать, что следует». А я посмотрел и говорю: «Припасай, шляпа, другую монету, у нас такие не ходят!»

– Что значит не ходят? – Вавилов почувствовал, как у него вспотели ладони.

– Да какая-то она не такая мне показалась. Маленькая, и не по-нашенски написано.

– И что же он ответил?

– Засмеялся и пальцем по лбу себя постучал. «Деревня ты необразованная, – говорит, – во французском золоте ничего не понимаешь!» Золото назад взял и канареечку мне сунул. Я ему сорок копеек сдал.

– Как он выглядел?

– Высокий, плечистый, одет как барин, с тростью и в цилиндре.

– Борода? Усы?

– Бороды точно нет, а вот усы имеются. Слабые такие, словно недавно отпускать стали…

– Ты случайно не заметил, куда он после трактира направился?

– Заметил, – пожал плечами половой, – с утра народу мало, в окно хорошо все видно. Он на крыльцо вышел и извозчика взял. Я точно не разглядел, но, кажется, Ермолая, того, что завсегда у фонтана слева от тумбы стоит…

На девять вечера Тартищев объявил общий сбор личного состава сыскного отделения.

– Будем брать Мозалевского, – коротко определил он задачу и приказал Вавилову: – Доложите обстановку.

Тот пригладил ладонью редкие волосы, которые кустиком топорщились на затылке, и обвел собравшихся серьезным взглядом.

– На данный момент дело обстоит следующим образом. Выявлен адрес, по которому проживали Казначеев и Мозалевский. Они скрывались в комнате дядьки Казначеева Кондратия Бугрова. В портерной[18 - Портер – сорт темного пива.] напротив дома установлено наблюдение с двух окон. Наши агенты, сменяясь через два часа, наблюдают за парадным подъездом и окнами, выходящими на улицу. Из дворницкой ведется наблюдение за черным ходом. Как показал извозчик Ермолай Гусев, он довез Мозалевского по адресу, заявленному клиентом, то есть туда, где он проживал прежде с Казначеевым. В дом тот вошел через парадный ход и, по сведениям агентов, до сей поры из него не показывался.

– Что ж, будем брать! – повторил Тартищев и окинул взглядом свое воинство. – Чтобы застать его врасплох и отнять возможность сопротивления или сокрытия вещей, порядок действий будет таков…

Более всего на свете Алексей боялся, что у него забурчит в животе от голода. Пироги Марии Кузьминичны были последним, что он съел за сегодняшний день. К тому же он опасался, что Тартищев вот-вот скажет: «Возвращаетесь к себе восвояси, молодой человек, в ваших услугах боле не нуждаются». Но день закончился, за ним потянулась ночь, Тартищев помалкивал и ничего не сказал даже тогда, когда Алексей сел в одну пролетку с агентами, выезжающими на задержание Мозалевского.

В десятом часу вечера с двух сторон подъехали к дому, где укрывался Мозалевский. Остановились на некотором расстоянии. Вавилов и околоточный надзиратель подошли к воротам соседнего дома и звонком вызвали двух дворников, а по свистку околоточного явились два городовых.

Под окнами, у парадного подъезда и у черного хода выставили караулы, и после этого Вавилов, Алексей, один из агентов, околоточный и старший дворник принялись взбираться по темной и захламленной лестнице черного хода на второй этаж. Алексею приказали занять нижнюю площадку, агент поднялся чуть выше по ступенькам, ведущим на третий этаж. Околоточный и Вавилов затаились справа и слева от входа в квартиру.

На звонок дворника дверь открыла женщина и, похоже, совсем не удивилась столь позднему визиту.

– Кондратий дома? – спросил у нее дворник и шагнул через порог, оставив дверь слегка приоткрытой.

– Дома, дома, – зачастила женщина, – где ж ему быть?

Дворник окинул взглядом кухню и подошел к невзрачному человеку, точившему кухонные ножи.

– Послушай, мне бы Гурия повидать. Там его какая-то баба дожидается. Говорит, что жена.

– Катька? – удивился Кондратий. – Какого лешего она в ночь примчалась?

– Откель мне знать? – рассердился дворник. – Позови да позови, просит, а сама чуть не ревмя ревет.

– А я ей что скажу? – Кондратий уставился на дворника. – Я и сам хочу знать, где он прохлаждается. Вчерась вечером как ушел с приятелем, так и не вернулся.

– А приятель что ж?

– Да он у меня в каморке валяется. С утра не просыхает. Сначала казенку[19 - Водка заводского изготовления.] пил, а час назад Варьку, – кивнул он на одну из женщин, – в «шланбой»[20 - Так называлась форточка, через которую с 11 вечера до 7 утра тайно торговали водкой, зачастую, как сейчас говорят, фальсифицированной.] посылал…

Дверь распахнулась, и Вавилов, а следом за ним околоточный, быстрым шагом вошли в квартиру. Кухня замерла от изумления. Перестали стучать ножи, смолкли разговоры. Кухарка и две ее помощницы, одна из которых открыла дверь дворнику, казалось, онемели от ужаса, увидев двух человек с револьверами в руках.

– Ни звука! – на всякий случай приказал громким шепотом Вавилов и кивнул головой Кондратию: – Веди в свою комнату!

– Слушаюсь, – прошептал тот испуганно и засеменил к выходу из кухни.

Его каморка находилась по соседству, но, когда полицейские ворвались в нее, там никого не оказалось. Только на грязном без простыни тюфяке, на котором совсем недавно лежал Мозалевский, валялся жилет, в кармане которого нашли тридцать рублей кредитными билетами. На трехрублевой ассигнации были видны следы крови. Кровь обнаружили и на грязном носовом платке, который преступник забыл на подоконнике.

– Беда какая! Спугнули все-таки мерзавца! Через подвал ушел! – поскреб в затылке околоточный и набросился на дворников: – Что ж вы про угольную яму не упредили? Теперь ищи его свищи. Небось уже в другой конец города ускакал.

Дворники сконфуженно разводили руками и переглядывались. Летом в доме углем не пользовались, и про этот дополнительный выход, ведущий из подвала, просто-напросто забыли.

– Наверняка он в соседние дворы через дровяные сараи ушел, – заметил Вавилов, успевший сбегать на улицу и вернуться в компании с разъяренным Тартищевым.

Начальник сыскного отдела окинул всех тяжелым взглядом.

– Не отыщете к утру Мозалевского, пеняйте на себя! – И кивнул Алексею: – Поехали!

У того екнуло сердце: вот и закончилась его недолгая карьера сыщика! Но виду не подал и лишь спросил:

– В сыскное отделение?

– Нет! – рявкнул в ответ Тартищев. – Ко мне домой! – И повернулся к побледневшему Вавилову: – Иван, рой землю, грызи зубами, но достань мне негодяя хоть с того света! Сроку тебе до десяти утра. В одиннадцать меня ждут с докладом у губернатора!

– Ваше высокоблагородие! – Околоточный отошел от Кондратия, который, вжав голову в плечи, робко наблюдал за ними из закутка рядом с плитой. – Бугров говорит, что у Мозалевского якобы полюбовница есть. Верка, по фамилии, кажись, Шашкова. Проживает в меблированных комнатах на Разгуляе. Мозалевский хвастался по пьяни, что шибко, дескать, красивая. И завсегда его принимает, даже без денег. А сейчас он при деньгах, так и вовсе рада будет.

Тартищев крякнул и посмотрел на Вавилова.

– Живо на Разгуляй! Верку выкопать из-под земли. Я не слишком верю, что он решит у нее укрыться, но засаду в квартире устроить непременно. Кроме того, осмотреть все трактиры, кабаки, распивочные, расспросить буфетчиков, половых, маркеров и завсегдатаев, не появлялся ли где человек, похожий на Мозалевского, предупредить городовых, обратить внимание на проституток… – Он махнул рукой Алексею. – Поехали!

Тот уточнил:

– К вам домой?

– Нет, в бордель! – ответил Тартищев и, заметив, как вытянулось лицо у Алексея, неожиданно рассмеялся: – Не обольщайся! Всего лишь проверим, не появлялся ли наш бегунок в сих злачных местах.

Глава 6

Ночь по календарю градоначальника до сих пор считалась лунной, и поэтому фонари опять не горели, хотя на город опустился туман, густой и липкий. Он

окутывал здания сплошной пеленой, висел клочьями на кустах и деревьях, стлался под ноги запоздавшим прохожим и лошадям ночных извозчиков, громко перекликавшихся у городского фонтана – своей извечной стоянки.

Подобные ночи – сущий подарок для обитателей трущоб и притонов, выползающих на свой ночной промысел. Редко кто из обывателей даже в дневное время осмелится на столь рискованный шаг – появиться в районе Хлудовских выселок, самого разбойного места в Североеланске. Ограбить, обыграть в карты, убить – на Хлудовке в порядке вещей. Крики о помощи или предсмертные стоны здесь так же обычны, как разудалые пьяные крики, визги проституток или отборная брань проигравшегося в пух и в прах «делового»,[21 - Дерзкий вор, который «работает» по-крупному, самый уважаемый в воровском мире человек] спустившего за час игры всю свою ночную добычу…

Здесь располагались самые дешевые, последнего разбора публичные дома. Подъезды их освещались красными фонарями, а на задворках прятались совсем уж отвратные притоны – «кузницы», где ютились пропащие женщины и их коты, которым было что скрывать от полиции. В этих гнездах порока и самого низкопробного разврата составлялись разбойничьи шайки и делилась награбленная добыча, здесь не гнушались раздеть подобранного на улице пьяного или отправить «в плаванье» очередной труп.

Местные марухи,[22 - Девки.] полупьяные, в отрепьях, шатались по окрестным кабакам и «марьяжили» еще более пьяных клиентов, которым предстояло зачастую лишиться не только платья, но и жизни. «Чистенькие» проститутки, косившие больше под гимназисток и бедных сироток, выглядывали себе «кредитных»[23 - Кавалеров.] почище и подороже одетых, только дорога у всех была одна – в жалкую каморку с тремя-четырьмя убогими кроватями, разделенными ситцевыми занавесками. Но дело редко доходило до постели. «Пропащие, но милые создания» сбывали свою добычу в руки котов, которые следовали за ними по пятам до условного места. Здесь жертва расставалась с последними иллюзиями, хорошо, если не с жизнью, а коты уходили в темноту с чувством исполненного долга и пожитками очередного любителя плотских утех…

– В кузницы нам соваться нечего! Судя по всему, Мозалевский не из портяночников. Если захочет отлежаться, то найдет себе девку поприличнее.

Тартищев вышел из экипажа, окинул взглядом прибывших с ним на нескольких пролетках и телегах агентов, местного околоточного Грибанова, дюжину городовых и приказал:

– Квартал окружить! Смотреть, чтобы из окон не сигали! Особое внимание тем, кто вздумает вдруг по крышам уходить! Всякая рвань коричневая мне ни к чему, тем более болдохи[24 - Завсегдатаи притонов, ночлежек.] или зеленые ноги.[25 - Беглые с каторги.] Ищите человека, похожего на Мозалевского.

Ночная жизнь шла своим чередом, а обитатели Хлудовки, пока не подозревавшие о внеочередной облаве, продолжали веселиться на всю катушку: то и дело открывающиеся двери кабаков и те, что под красным фонарем, выпускали на волю дребезжащие звуки разбитого фортепиано, визгливой скрипки, отменную ругань или разудалые пьяные песни. Агенты и городовые оцепили квартал, и Хлудовка моментально притихла, почувствовав неладное.

– Двадцать шесть![26 - Сигнал об опасности, все равно что «Полундра!» для моряка.] – И раздалась в ночи почти соловьиная трель полицейского свистка.

– Двадцать шесть! – И отворились вдруг окна, и выпрыгнули из них прямо в объятия сыскарей самые нетерпеливые, а значит, и самые интересные для полиции обитатели Хлудовки.

По железной крыше загрохотали сапоги. Тартищев кивнул Алексею:

– Каторга отрывается. – И крикнул снизу в темноту: – Эй, болдохи, никого не возьму. Поговорить надо!

– Чего ж тогда сусло[27 - Кличка, произошедшая от аббревиатуры СУС – Североеланский уголовный сыск. Ср.: МУР – Московский уголовный розыск – «мусора».] свое привел? – справился сверху чей-то голос.

– А чтоб было кому рожу тебе начистить, Червивый! – почти нежно ответил ему Тартищев. – Кому я велел в город больше не соваться? Где хочешь пропадай, а здесь не шатайся… Второй побег с каторги… Ты меня знаешь, если возьму, сгниешь на рудниках!

– Да я уйду… – оправдывался Червивый, – отлежусь пару дней и на Москву рвану… Чево я тут забыл?..

– Спускайся вниз! – приказал Тартищев. – Разговор есть…

И здоровенный детина с выбритой наполовину головой вышел покорно из темноты и остановился, не доходя до Тартищева пару шагов:

– Чевой-то?

– Ближе подойди, рожа арестантская! – Тартищев поднес к его носу увесистый кулак. – Ты мой кулак знаешь, Червивый! Говори, кто вперед тебя в окно сиганул? Крапива? А ну отвечай!

Червивый покосился на кулак начальника сыскной полиции, но промолчал.

– Кто? Я тебя спрашиваю или нет? Крапива, ну? Или Хромой? Говори!

Червивый продолжал молчать. Тартищев негодующе крякнул и, размахнувшись, влепил ему оглушительную затрещину.

Червивый упал на колени, прикрывая лицо. Из разбитого носа хлынула кровь, пробиваясь струйками меж черных от грязи пальцев.

– Так бы сразу и спрашивал, – процедил он сквозь зубы, – а то…

Тартищев засучил рукав, и Червивый еще более мрачно выдавил из себя:

– Ну, Крапива!

– Передай сукину сыну, ужо пора отбегаться ему! Пусть ноги уносит из города! Придет бумага на розыск – в одночасье поймаю, ты меня знаешь! – Он ухватил здоровой рукой детину за шиворот и рывком поставил его на ноги. – Барин в цилиндре и с тростью здесь не появлялся?

– С усиками? – быстро справился детина и по-волчьи пристально прошелся по Тартищеву взглядом. – Кажись, это его замастырили[28 - Обыграть в карты с помощью шулерских приемов.] сегодня у Гришки на катране. Василиса не до конца выдоила, говорят, еще и пинтерам[29 - Шулеры.] кое-что досталось.

– Куда он делся?

– Да Василиска опять подобрала. Она баба жалостливая…

– Ладно, проваливай!

Детина в мгновение ока исчез в темноте, а Тартищев повернулся к Алексею:

– Айда, познакомлю тебя с Василисой. Говорят, бывшая графиня. Лет двадцать назад убила ножом любовника, отбыла каторгу, да так и осталась в наших краях. Официально бордель значится за ней, но есть сведения, что истинный хозяин – «иван» по кличке Крапива. Он уже пару лет как числится в розыске, а раньше по ярмаркам промышлял, купцов грабил.

– И что ж тогда его не схватят, если он почти на виду живет?

– Не стесняйся, спрашивай прямо, – усмехнулся Тартищев, – почему я его не схвачу? – Он рывком распахнул дверь борделя и первым шагнул через порог. Через плечо посмотрел на Алексея. – А мне это надо? Он сейчас тихий, в городе гадить остерегается, финажки[30 - Деньги.] копит про запас… Паспорт чистый купил. Того гляди, заправским купцом заделается. Так зачем мне лишняя морока, если он вот-вот за Урал смоется?

Алексей не успел ответить, так как вслед за Тартищевым шагнул в комнату, которая сама по себе выглядела достаточно прилично. Чистые занавески прикрывали окна. На полу лежал толстый с почти незаметными проплешинами ковер. На круглом столике под лампой с треснувшим зеленым абажуром стоял глиняный горшок с цветущей бегонией. Ну, впрямь гостиная в доме небогатого чиновника, да и только, если б не портили впечатление с полдюжины полуголых девиц на деревянных диванах под литографиями, изображавшими кавалеров и дам в отнюдь не целомудренных позах. Девицы занимались тем, что показывали «живые картины» двум пьяненьким клиентам, судя по виду загулявшим приказчикам, и наперебой предлагали:

– Пойдем со мной, у меня и пиво есть, и водка…

– А пиво что ж, по-прежнему на окурках да белене настаиваете? Или на чертополохе? – весело произнес от порога Тартищев. – Чтоб спалось крепче? Или что-то новенькое придумали? А, барышни? – расплылся он в улыбке, заметив нешутейную растерянность местных жриц любви. – Позвольте поинтересоваться, вы сначала услуги предоставляете, а потом раздеваете клиента, или все-таки наоборот?

– О чем вы говорите, Федор Михайлович? – ласково проворковала дородная дама с роскошным бюстом и с едва заметными следами былой красоты. Портил ее лицо отвратительный шрам, располосовавший ей правую щеку и верхнюю губу. Она выплыла из-за черной лаковой ширмы с изображением китайских драконов и ярко-малиновых лотосов, вполглаза глянула на девиц, и те вмиг исчезли из поля зрения как клиентов, так и нежданных визитеров. Следом словно ветром сдуло приказчиков.

– Да вот говорю, Василиса Маркеловна, что третьего дня подняли в канаве недалеко от вашего заведеньица голого человека в полном отрубе, – в тон хозяйке борделя ответил Тартищев. – И как выяснилось, сынка известного в городе владельца пимокатной фабрики Бориса Егорыча Касьянова. Помнит сынок, что через порог здешний переступал и банчок сорвал на твоей мельнице, а вот что дальше было, убей бог, запамятовал. И как штанов лишился, и часов золотых, и денег каких-никаких… Ох, Василиса Маркеловна, Василиса Маркеловна! – погрозил ей пальцем Тартищев и вольготно раскинул свое большое тело на одном из диванчиков. Алексей последовал его примеру и устроился напротив. – Опять за старое взялась?

– Что-то я не понимаю ваших сложных вопросов, Федор Михайлович. – Василиса попробовала кокетливо улыбнуться, но глаза ее смотрели настороженно. – У нас тут без обману. Барышни чистые, все с билетами… Хотите проверить?

– Проверим, только не суетись раньше времени, – усмехнулся Тартищев и оглянулся по сторонам. Кивнул на пузырящуюся от сквозняка оконную занавеску: – Червивый и Крапива отсюда в окно слиняли?

– Да ни боже мой… – взмахнула руками Василиса. – Открыли, чтобы от табаку проветрить!

– Просто до удивления наивная ты баба, Василиса, – вздохнул Тартищев, – неужто думаешь, я тебе поверю? Там на окне небось и следы остались от сапог. На юрзовку[31 - См. катран.] твою задними дворами ходят, сквозь помойки, как псы шелудивые… Алексей, – внезапно обратился он к молодому человеку, – а ну-ка глянь в ту вон дверь, что за шторкой прячется. Сдается мне, что сегодня там довольно много сала нажарили на стирках.[32 - Многих обыграли в карты.] Как играли, Василиса? На верняк?[33 - Игра в карты с помощью шулерских приемов.] Или на заманку?[34 - Игра, в которую через временный выигрыш втягивают жертву.]

– Без кляуз,[35 - Розыгрыш денег среди воров без применения шулерских приемов.] – процедила сквозь зубы Василиса, – ты что ж, Крапиву не знаешь? Он этих понтеров на дух не переносит!

Алексей толкнул узкую, ниже человеческого роста дверь и заглянул в полутемную комнату, освещенную висящей на стене и коптящей жестяной лампой. Узкая струйка дыма незаметно сливалась с черным от сажи потолком. На двух столах стояли точно такие же и точно так же коптившие лампы, громоздились пустые бутылки, валялись объедки хлеба, пожухлые соленые огурцы, куски селедки и свиного сала вперемешку с картами и мелкими монетами, торопливо брошенными во время бегства. Дальше, сквозь приоткрытую дверь, виднелась еще одна комната, оставленная с той же поспешностью, что и первая…

– Гарун бежал быстрее лани, – выказал неожиданное знание поэзии Тартищев. Он остановился за спиной у Алексея и положил ему руку на плечо. – Смотри, сынку, и запоминай. Это и есть катран, или юрзовка, где чешут лохов, раздевают их до кишок, а то и на кон ставят[36 - Игра на жизнь человека.]… Проще, самая непотребная шулерская мельница, за содержание которой, Василиса Маркеловна, придется вам отвечать в соответствии с уставом уголовного судопроизводства на полную катушку!

– Батюшка, Федор Михайлович, не губи за-ради Христа! – заголосила вдруг Василиса и, как стояла, с размаху хлопнулась на колени перед Тартищевым и принялась хватать его почему-то за раненую руку, порываясь ее поцеловать. – Отслужу, отблагодарю… – бормотала она, размазывая по лицу обильные слезы.

– Прекрати выть! – прикрикнул на нее Тартищев и приказал Алексею: – Приведи понятых, будем все протоколом оформлять.

Василиса взвыла совсем уж не по-человечески, а Тартищев, подмигнув Алексею, дескать, не уходи пока, вернулся к диванчику. Василиса подползла следом.

– Ну что, Васька, будем говорить без церемоний? – Тартищев достал из кармана табакерку и задумчиво посмотрел на нее, потом принялся постукивать ею по спинке диванчика. – Скажи, кто мне клялся, что ноги Крапивы здесь больше не будет? – Он отпихнул носком сапога попытавшуюся бухнуться головой в пол Василису. – Кто обещал вывесить правила содержательницам публичных женщин на видное место?

– Да вон же они! – взвизгнула Василиса. – В рамочке над вами!

– И верно! Цветочками даже украсила! – согласился Тартищев. – Но ты же их не выполняешь! – И опять подмигнул Алексею, из чего тот понял, что Федор Михайлович по какой-то причине затевает форменное представление. – Итак, по правилам, окна в борделе не открываются, а они у тебя распахнуты настежь… – Он загнул указательный палец здоровой руки. – Второе, в одной комнате не должно быть более одной кровати, а у тебя их по две, а то и по три. Занавесками-то хоть отгородила?

– Отгородила! – буркнула Василиса и поднялась на ноги. – Говори, что надо? Я ведь из понятливых…

– Не торопись, – Тартищев загнул еще один палец, – скажи, когда постельное белье последний раз меняла? Или, как всегда, простынку перевернули, и айда по новой? По правилам барышне обмыться надо после каждого употребления и белье поменять, или впервые от меня слышишь про такое?

– Если б все по правилам исполнять, я б за вход не полтинник брала, а целковый, – огрызнулась Василиса и, вытащив откуда-то из-под юбок длинную папироску, закурила ее, притулившись к ширме.

– Правильно, потому все лохмотники на твой фонарь и слетаются, – сказал устало Тартищев. – Девки твои румянятся и белятся на два пальца толщиной, вместо того чтобы лишний раз известные места обмыть. А ведь это тоже повод,

чтобы штраф на тебя наложить приличный, а то и билет отобрать, чтоб другим неповадно было правила нарушать!

– А ты по околотку пройдись, Федор Михайлович, посмотри, кто этих правил не нарушает? Жизнь-то нонче дорогая, а девок кормить надо, и в отрепье их не оденешь, и клиенту пива да водки надо выставить…

– Ладно, заприбеднялась, – махнул рукой Тартищев, – неси сюда медицинские билеты, посмотрю, когда барышни твои последний раз у врача проверялись… Надеюсь, малолеток среди них не наблюдается?

Василиса ушла за ширму, но вернулась не с билетами, а со штофом вина и молча поставила его на стол. Тартищев, прищурившись, окинул его взглядом и крякнул. Василиса задрала юбку, обнажив костлявую ногу в вязаном чулке, и достала кошелек. Аккуратно положила его на стол перед Тартищевым.

– Возьмите, Федор Михайлович, жертвую на богадельню. Передайте батюшке, что от чистого сердца…

– На богадельню сама передашь. – Тартищев взял кошелек и опустил его во внутренний карман шинели. – Это на другое пригодится.

Алексей опешил. На его глазах начальник сыскного отделения без явных угрызений совести положил себе в карман взятку и даже не покраснел при этом. Зато сам он едва сдержался от негодования. Но все-таки решил высказаться после, когда спектакль наконец закончится.

Тартищев достал носовой платок и, сняв фуражку, тщательно протер голову и лицо. Потом так же неторопливо вернул платок в карман и строго посмотрел на Василису.

– А теперь рассказывай, куда Мозалевского подевала?

– Моза… – поперхнулась Василиса. – Кого? Отродясь про такого не слыхала!

– Не врать! – прикрикнул на нее Тартищев и для острастки стукнул кулаком по спинке дивана. – Он же сюда прибежал, когда мы его спугнули!

Василиса недоуменно пожала плечами:

– Не пойму, о чем говорите, Федор Михайлович?

И Алексей понял, что на этот раз она не обманывает. Действительно не понимает, о ком идет речь.

Тартищев это тоже понял и уточнил:

– Кого сегодня Крапива с Червивым замастырили? В шляпе и с тросточкой?

– Ах, этого! – обрадовалась Василиса. – Так вы ж его знаете! – Копченый это, Фаддейка, вражий потрох! Финажки лишние появились, так он решил погусарить. Чепчик[37 - Шляпа.] приобрел, коньки[38 - Сапоги.] новые… Да за вечер все и продул. Я его по старой памяти к Ляльке привела. Потом расплатится, когда опять разбогатеет! Он и сейчас там, в нумере. Дрыхнет, наверное, пока у Ляльки клиентов нету…

Через десять минут, удостоверившись в том, что в номере у Ляльки действительно отсыпается мелкий ширмач и бывший форточник Фаддейка Копченый, Тартищев и Алексей покинули заведение Василисы. А еще через десять минут Федору Михайловичу доложили, что во время облавы никого похожего на Мозалевского задержать не удалось…

Глава 7

– Ты давай потише, не грохочи сапогами! – предупредил Тартищев, когда они на цыпочках преодолели гостиную и стали подниматься по лестнице на второй этаж, где находился кабинет хозяина. – Не дай бог, Лизку разбудим…

– А я и не спала вовсе! – раздался сверху девичий голос, и из темноты навстречу им выдвинулось некое воздушное создание в накинутой поверх розового пеньюара персидской шали и с горящей свечой в руках. За ней следовала крупная легавая, которая, казалось, с тем же негодованием, что и ее юная хозяйка, смерила взглядом двух мужчин, застывших как изваяния посреди

лестницы.

Девушка подняла свечу вверх и язвительно справилась:

– Неужто мой дорогой папенька решил почтить сей дом своим присутствием? По какому ж такому важному событию вы соизволили здесь появиться?

– Лизонька, – сконфуженно произнес Тартищев, – служба такая, не всегда и предупредить можно…

– Можно, – строго сказала дочь, – вы просто не считаетесь с моими нервами, Федор Михайлович! – Лиза дернула плечиком и опустила свечу чуть ниже и осветила Алексея. – А это кто?

– Познакомься, Лизонька, это Алеша, Алексей Поляков. Он и вчера, да и сегодня славно мне помог…

– Ну и оставайтесь со своим Алешей! – выкрикнула Лиза и, резко развернувшись, так что пламя свечи едва не погасло, скрылась за дверями комнаты, очевидно, своей спальни. Легавая с недоумением посмотрела на Федора Михайловича, Алексею показалось, что даже удрученно качнула головой, и последовала за хозяйкой. Остановилась на мгновение, в слабом свете заглядывающей в окно луны тускло блеснули собачьи глаза, и исчезла за дверью спальни.

– Вот и Дозор туда же! – вздохнул тяжело Тартищев. – Не нравится им моя служба, но ведь кому-то и подобным образом надо на хлеб зарабатывать.

Он открыл дверь в кабинет и пропустил вперед Алексея:

– Проходи, не стесняйся! Здесь моя вотчина, и Лизке вход по особому пропуску!

Алексей вошел и застыл в удивлении, заметив несколько чемоданов и сундук со своими вещами.

– Откуда это?

– Да я еще с вечера распорядился их доставить, – ответил небрежно Тартищев и прошел к широкому, затянутому зеленым сукном столу. Опустившись в просторное кожаное кресло, жестом показал на соседнее: – Присаживайтесь, сударь, в ногах правды нет.

– Зачем вы это сделали? – удивился Алексей.

– А затем, мил человек, что нечего тебе по квартирам мотаться. У меня надежнее будет.

Алексей несколько растерялся. Его мнением опять даже не поинтересовались. Но если Тартищев приказал перевезти его вещи, то, стало быть, не хочет выпускать его из поля зрения, следовательно…

Однако Федор Михайлович уже перехватил его мысль.

– Может, я и поспешил немного, что, не спросясь, решил тебя к себе на жительство определить? Может, после сегодняшней маеты ты уже раздумал со мной общаться?

– Не раздумал, – быстро ответил Алексей.

– Ну и славненько! – потер ладони Тартищев. – Сейчас Никита ужин нам с тобой сообразит, да водочки с устатку. Ты как ее, мерзавку, потребляешь?

– Когда как, – пожал плечами Алексей, – но только под хорошую закуску.

Тартищев усмехнулся.

– Под хорошую закуску ее и дурак осилит, а вот когда через «не хочу» приходится… – Он махнул рукой, но не пояснил, когда ж ему случается пить водку против своего желания, просто перевел разговор в другое русло: – Ты вот сегодня на меня зверем посмотрел, когда я кошелек от Василисы принял. Скажи, подумал ведь, что взятками промышляю?

Алексей молча кивнул.

– И по правде, так она и называется. Взятка, она и есть взятка! – Он тяжело вздохнул и развел руками. – Только как посмотреть на это, Алеша! Деньги эти поганые, конечно, на людской беде замешанные, но только Тартищев никогда их для собственной выгоды не брал и пользы от этого не имел. И эти, Василискины, тоже не от хорошей жизни в карман положил. – Он пододвинул себе графин с водкой и наполнил две рюмки. Одну подал Алексею. – Был у меня, Алеша, хороший друг, сыщик от бога и смелости необыкновенной человек. Но в январе во время облавы на Хлудовке пырнул его ножом один беглый с каторги, и не стало Павлуши Рыдванова, с которым мы двадцать лет как один день… – Он на мгновение прикрыл глаза ладонью, потом резко отнял ее и со злостью в голосе продолжил: – Остались у него, Алеша, жена да пятеро детишек. Мал мала меньше. Пенсия с гулькин нос, попробуй проживи, прокормись хотя бы… Вот и доим помаленьку всю эту погань отвратную, с которыми Павлуша воевал, чтобы хоть как-то помочь его детишкам. А ведь есть еще Антон Бесчастный, и Захар Гусенок, и Гриша Олейников… В богадельню их отправить за то, что они здоровья на службе лишились, мне совесть не позволяет, вот и кручусь, ловчу, как могу. Порой и прикрою какую паскуду, чтобы потом с нее взять побольше! – Тартищев выругался и прикрикнул на Алексея: – Давай пей! – И поднял стопку. – Выпьем, Алеша, за нашу службу, сволочней которой на свете не бывает, но поверь мне, старому сусло Тартищеву, если заболеешь сыском, то до конца дней своих не излечишься! – Он залпом выпил водку и закусил ломтиком осетрины, желтой от пропитавшего ее жира. – Пей, коли решил к нам податься…

– Вы что ж, берете меня к себе?

– Или я непонятно объясняю? – удивился в свою очередь Тартищев. Он вытер рот салфеткой и откинулся спиной на кресло. – Только вот в чем закавыка, Алеша. Беру пока тебя на испытание. Свободных мест сейчас в отделении нет, поэтому казенного жалованья платить не смогу, только если из своего кармана. А у меня он, сам понимаешь, не слишком велик.

– У меня есть собственные средства, – быстро ответил Алексей, – от отца небольшое наследство осталось и доходы кое-какие от имения…

– Имения? – поднял в удивлении густые, словно сажей намазанные брови Тартищев. – Ты, выходит, землевладелец? Что ж тебя в наши края занесло?

– Имение так себе, в Смоленской губернии, – ответил Алексей уклончиво. – Одно название что имение, но я не привык сорить деньгами, поэтому на жизнь

хватает.

– Весьма разумно рассуждаешь, – одобрительно посмотрел на него Тартищев и усмехнулся, – что ж, вопрос о твоем жалованье тоже можно считать решенным. Честно сказать, я испытал некоторое облегчение. – Он подмигнул Алексею. – Дочка на выданье требует определенных затрат, хотя она особа у меня тоже вполне независимая. Деньги у нее свои, от маменьки достались по наследству.

– Федор Михайлович, – Алексей поднялся на ноги, – вы должны выслушать меня прежде, чем принять окончательное решение. Дело в том, что я не случайно оказался в Североеланске…

– Раз нужно, выслушаю. – Тартищев окинул его внимательным взглядом. – Рассказывай…

– Ну что ж, – произнес он через некоторое время, – исповедаться ты исповедовался, грехи твои, смею судить, не по злой воле, а от глупости, от молодого куража произошли, но отпустить их, как батюшка, пока не могу. Придется самому искупать их верной службой во благо Отечеству и государю императору. И учти, на наше жалованье палат каменных себе не выстроишь, благодарностей и наград особых не дождешься, они нам в последнюю очередь положены, зато на пулю или нож первыми идем, тут уж без всяких скидок. Смотри, – он кивнул на большие настенные часы, – почитай уже три часа, а мы с тобой еще и не ложились. Не зря Лизка сердится. Я ведь дома скорее гостем бываю, чем хозяином… Э-хе-хе! – Он сокрушенно вздохнул. – Ладно, с твоим начальством я уже договорился. С утра можешь заступать на службу. Будешь пока при мне и при Вавилове. Он из того «сусла», что все ходы и выходы знает. Иван тебе хорошую науку преподаст, конечно, если покажешься ему. Он у нас с норовом, если невзлюбит кого, то будь хоть семи пядей во лбу, ничего ему не докажешь… – Тартищев со вкусом потянулся и кивнул Алексею на дверь: – Ступай уж отдыхать. С непривычки небось все кости ломит? Никита твои вещи во флигель отнесет. Там тебе хорошо будет, спокойно. И от Лизки подальше. Девка она у меня хоть и смирная, – он подмигнул Алексею, – иногда… Но предупреждаю, не смей перед ней заискивать, тогда вообще сладу не будет! Она из тебя веревки станет вить, если на поводу у нее пойдешь!

Алексей усмехнулся.

– Постараюсь не докучать вашей дочери вниманием.

– То-то же! – улыбнулся Тартищев и замахал на него рукой. – Иди спать, а я посижу, обмозгую, что к чему. Все равно теперь не засну. Может, от Вавилова какие новости придут…

– Федор Михайлович, позвольте остаться и высказать свои соображения, – произнес решительно Алексей. Он уже понял, что Тартищеву нравится, когда не мямлят. Да он и сам не слишком любил тянуть нищего за суму…

– Соображения? – с интересом посмотрел на него Тартищев. – Оставайся, коли неймется! Вместе веселей будет про дела сии печальные вспоминать!

– Давай с самого начала, – Тартищев пристально посмотрел на Алексея, – с рассказа камердинера.

– Из рассказа камердинера князя, Ильи Лефтова, следует, что накануне, в десятом часу вечера, в воскресенье, князь вышел из квартиры и приказал камердинеру разбудить себя в восемь утра, то есть в понедельник. Потом велел заложить экипаж и отправился на музыкальный вечер в губернское собрание. Камердинер запер на ключ парадную дверь, прошел в квартиру князя и положил ключ на столик в передней. По его словам, у князя был второй ключ. Видно, он не слишком хотел, чтобы кто-то знал, в какое время он возвращается. Даже швейцара уволил, предпочитал открывать дверь своим ключом.

– Вполне вероятно, – согласился Тартищев, – тем более он посещал не только музыкальные вечера…

– Камердинер навел порядок в спальне, приготовил князю постель, ночную рубашку, колпак, опустил шторы и вышел из комнаты, запер ее на ключ и через коридор прошел в людскую, где его дожидался повар. Затем они взяли извозчика и отправились в меблированные комнаты на Нижне-Мещанской улице, где оба снимают квартиры для своих семей. Соседи и владелец комнат купец второй гильдии Макаров подтверждают, что около одиннадцати вечера они уже были дома и до утра не отлучались.

– Понятно, – Тартищев окинул Алексея внимательным взглядом. – Судя по всему, князь вернулся домой за полночь, открыл дверь своим ключом и прошел в комнаты. Вряд ли убийца дожидался его в спальне, иначе он бы напал на него сразу, а так князь успел переодеться, потушить лампу и лечь в постель, возможно, даже заснуть. Значит, убийца появился позже и, вернее всего, проник в спальню через окно в туалетной комнате…

– Но камердинер утверждает, что закрывает его на ночь, а, судя по следам, в него проникли все-таки снаружи.

– Вполне возможно, что Лефтов и врет. Забыл про открытое окно, с кем не бывает.

– Но убийца знал об этом раньше, поэтому приготовился к проникновению в дом весьма основательно. Веревку принес с собой, место удобное выбрал для наблюдения за окнами спальни. Шторы на них были задернуты, по словам камердинера, но они узковаты и не сходятся, я проверил… Поэтому убийца мог заметить, что свет в комнате погас, и принять это за сигнал к действию.

– Но убийц было двое, – уточнил Тартищев, – и Казначеев вряд ли в новой одежде и сапогах лазил по крыше, выходит, это был Мозалевский. По приметам он подходит, но зачем тогда ему надо было сверху прыгать на своего сообщника? Что, они на земле счеты не могли свести? И что они вообще могли не поделить? – Тартищев недоуменно хмыкнул и посмотрел на Алексея. – Прямо шарада какая-то получается. Пришли вдвоем, один полез через крышу в окно, как проник в дом другой, пока мы не знаем, возможно, Мозалевский впустил Казначеева через парадный подъезд.

– Казначеев зашел в переулок уже после убийства, и наверняка, чтобы спрямить путь до «Лакомого кусочка». Я соскреб немного грязи с его сапог. – Алексей вытащил из кармана бумажный пакетик и высыпал его содержимое на чистый лист бумаги. – Вот смотрите, Федор Михайлович, – ни хвои, ни мха, только песок и стебелек гусиной травки, которой полно на обочинах, но, что самое интересное, тут хорошо заметны частички кирпича и желтого песка. Им усыпана дорожка, которая ведет к парадному подъезду. Кирпичная дорожка, в которой кирпичи изрядно выщерблены.

– Это ни о чем не говорит, – махнул рукой Тартищев, – он был у Дильмаца в субботу, получал расчет. И к дому подошел по этой самой дорожке…

Алексей насупился.

– Я, конечно, многое не понимаю, но только кто отправляется на убийство одетым как на праздник, Федор Михайлович? Я знаю, что Дильмац был очень сильным человеком. Мы с ним не раз встречались в яхт-клубе. Он рассказывал, что каждое утро занимался гимнастикой, обливался холодной водой. Я сам видел, как он ходил под парусом, хорошо плавал… Казначеев должен был знать, что он мог оказать очень приличное сопротивление. Притом у него был револьвер, но он не воспользовался им…

– Ты это хорошо подметил, – Тартищев одобрительно улыбнулся, – Казначеев не мог не знать об этом. И если он оделся, как ты говоришь, будто на праздник, это предполагает два момента: или он не собирался заходить в дом, или сопротивления вовсе не ожидал, то есть Дильмаца никто не собирался убивать. Возможно, они хотели управиться еще до его прихода, а князь вернулся раньше времени…

– И убийцы позволили ему лечь в постель, а потом принялись его убивать? Что-то здесь не вяжется, Федор Михайлович! – с сомнением в голосе произнес Алексей.

– По словам камердинера, из вещей Дильмаца пропала сущая чепуха: несколько монет, которыми Мозалевский, видимо, и расплачивался в трактире, серебряная мыльница, два ордена, золотые часы, перстень с двумя небольшими бриллиантами и тот самый пистолет, о котором ты вспомнил. Добыча не ахти какая! Да еще бумажник, но, по словам камердинера, князь накануне крупно проигрался и наличных денег у него оставалось очень мало. Конечно, если б им удалось открыть несгораемый ящик, где у князя хранились драгоценности и большая сумма денег, или хотя бы унести его с собой, их усилия бы оправдались. Но они не смогли даже отодрать его от пола…

– Это еще раз подтверждает, что убийцы все-таки появились после того, как князь заснул, – сказал Алексей, – иначе б он заметил, что в комнате кто-то побывал и пытался открыть ящик. Потом, ордена и перстень он, по словам камердинера, всегда надевал по важным случаям, а если не надевал, то перед уходом прятал в тот самый ящик…

– Ладно, ближе к делу, выкладывай все, что ты думаешь по этому поводу, – проворчал Тартищев и окинул Алексея насмешливым взглядом, – совсем заморочил голову старику.

– Я думаю, что положение трупа на кровати необычно, но не случайно. Он лежал ногами к изголовью. Это говорит о том, что убийца был из своих людей, который знал о наличии сонетки, висевшей слева. Князя перевернули, возможно, даже спящего, чтобы он не смог позвонить в колокольчик и позвать на помощь.

– Но кого он мог позвать, кухонного мужика? Нет, Алеша, это не доказательство. Сонетка вон и у меня висит. Любой слуга знает, где она находится. Убить князя мог любой человек, служивший в господских домах.

– Но вы не можете отрицать, что драка была! В комнате все перевернуто, лампа разбита и валяется на полу, постель и одеяло скомканы, везде следы крови. На теле самого князя множество порезов, похоже бритвой, которая лежала на столике… Но Дильмаца все-таки не зарезали, а удавили подушкой.

– Но опять же ерунда какая-то получается, Алеша, – Тартищев шлепнул здоровой ладонью по столешнице, – на одежде Казначеева крови, кроме как из его разбитой головы, не обнаружилось. Выходит, участия в убийстве он не принимал?

– Я тоже поначалу подумал, что он мог дожидаться Мозалевского в переулке и не заходить в дом, но ведь кто-то должен был помочь убийце связать князя? Князь, видно, отчаянно сопротивлялся, вот они и скрутили ему руки и ноги шнурами от штор. Одному там не справиться было, князь, как я уже сказал, отнюдь не слабым был.

– Но тогда скажи на милость, зачем им надо было резать его сначала бритвой, а затем удавить подушкой? Слишком много лишних действий, ты не находишь? – Тартищев с тоской посмотрел на окно, за которым занимался рассвет. – Одно могу сказать, вопросов оказалось гораздо больше, чем ответов, и мы пока только на один шажок продвинулись, на совсем крошечный шажок, в разгадке этого преступления. Казначеев и Мозалевский, несомненно, принимали участие в ограблении, но убивали ли они князя, вот в чем вопрос! Из-за того барахла, что они взяли, обычно не убивают. А Дильмаца, похоже, прежде чем убить, изрядно пытали. Может, хотели узнать, где он прячет ключ от ящика с деньгами?

Камердинер утром, когда пришел будить князя и обнаружил его труп, прежде чем вызвать полицию, проверил наличие ключа и сохранность ящика. Ключ, как ни в чем не бывало, висел в известном только ему и князю потаенном месте за картиной, замок не был нарушен, только одно кольцо и вырвано. Из ящика, по словам камердинера, ничего не исчезло: деньги и драгоценности на месте, разве из документов что-то пропало?

Тартищев отошел к окну и, опершись на подоконник, окинул Алексея взглядом чрезвычайно уставшего человека. Морщины вокруг его синих в дневное время, а сейчас потемневших до угольной черноты глаз превратились в глубокие складки. Густые темные усы и аккуратно подстриженная с заметной проседью борода, крупный нос и выбритая почти до зеркального блеска голова делали Тартищева похожим то ли на черкеса, то ли на ногайца. В свое время Алексей насмотрелся на этих джигитов в бараньих папахах, когда гостил у дедушки на конезаводе в Сальских степях. Дедушка называл их абреками, но доверял им свои табуны и безмерно уважал за гордый и непокорный нрав…

– …Но если князь все-таки выдал ключ своему убийце, – ворвался в сознание Алексея голос Тартищева, который словно не заметил, сколь пристально его рассматривают, только начал тереть ладонью большой крестообразный шрам на лбу, будто хотел от него избавиться. И правда, в некоторые моменты он придавал Тартищеву откровенно злодейский вид… – То у него должны быть очень крепкие нервы, чтобы сначала задушить князя, после произвести обыск в несгораемом ящике, а потом закрыть замок и вернуть ключ на место… А впоследствии столь же хладнокровно размозжить череп своему сообщнику… В общем, что сие означает, мне пока неведомо. – Федор Михайлович тяжело вздохнул. – И чует мое сердце, Алеша, что это дело чем-то смахивает на несколько последних убийств. Пятерых старух одну за другой удушили подушками и также ничего на первый взгляд не взяли. И убийца, кажется, тоже очень ловко карабкался по крышам. Неужто со старух он переключился на стариков?

– И он высокого роста, крепкого телосложения, при ходьбе чуть косолапит… – Алексей улыбнулся. – Помнится, вы сказали, что на ограде кладбища человек висел, которого вы приняли за мертвого… Если мне не изменяет память, он тоже в какой-то степени подходит под приметы убийцы. И не был ли еще кто-то третий в этом деле? Кому выгодно было расправиться с вами? Тот, кто вас по какой-то причине очень сильно боится, но убить не осмелился. Парни признались, что им велено было вас только проучить…

– Ишь ты, проучить! – Тартищев с интересом посмотрел на Алексея и погрозил ему желтым от табака пальцем. – Ох, сдается мне, Алеша, не так ты прост, как кажешься. Вон как умело разные события в одну кучу свалил! Но давай не будем забивать себе голову. Завтра, то есть уже сегодня, – посмотрел он в окно, за которым отчетливо проступила розовая полоска зари, зависшая над лесистыми сопками и высокой колокольней Знаменского собора, – уже сегодня, – повторил он и сжал руку в кулак, – я вытрясу душу из тех молодчиков, что встретили меня у кладбища. Надеюсь, за сутки в арестантской они успели вспомнить, кто их нанимал начистить рожу Тартищеву.

Глава 8

Алексею показалось, что он только-только успел дотронуться головой до подушки, а уже Никита тормошит его, не давая возможности как следует прийти в себя:

– Вставайте, вставайте, Алексей Дмитрич, сам вас требует! Вавилов у него. – И, оглянувшись на дверь, заговорщицки прошептал: – Кажись, схватили этого антихриста, который Дельмаса удушил. Ванька всю ночь по засадам протыркался, но сейчас доволен, спасу нет!

С трудом попадая руками в рукава рубахи, а ногами в сапоги, Алексей кое-как оделся, пригладил встопорщенные со сна волосы ладонью, плеснул в лицо холодной водой и, выскочив из флигеля, помчался в кабинет Тартищева.

Вавилов, в сбитой на затылок фуражке, в грязном сюртуке и пыльных сапогах, сидел, развалясь, в кресле и, оживленно жестикулируя, рассказывал о перипетиях ночной охоты за Мозалевским. Говорил он быстро и нервно, сжимая в зубах нераскуренную папиросу, о которой, видимо, забыл с того момента, как сунул ее в рот. Тартищев, присев на подоконник, молча слушал его, лишь изредка почти с остервенением тер бритый затылок, словно пытался избавиться от засевших там мыслей. Шрам на лбу побагровел, и Алексей подумал, что главный сыщик Североеланска по какой-то причине в не слишком хорошем настроении, возможно, потому, что тоже не выспался. Завидев Алексея, он молча кивнул ему на маленький диванчик рядом с собой.

– …У Верки его не оказалось, да мы и не слишком надеялись, что он там заляжет. – Вавилов бросил быстрый взгляд на Алексея, но тот так и не понял, удивлен ли, недоволен ли лучший агент уголовного сыска его неожиданным появлением в кабинете Тартищева. – Поэтому проверили двух ее подруг, Марию Кислову и Аглаю Мережкину. Обе девицы известного поведения, но в голос заявляют, что Верка теперь на содержании у купца Громыхалова, живет как барыня в снятой им квартире, разодета как картинка, в общем, все как полагается, поэтому нужды встречаться с бывшим любовником у нее нет. Сам Мозалевский на Разгуляе не появлялся, если было бы иначе, девки непременно узнали бы, потому как еще с прошлого года за ним числится пять целковых долгу Кисловой, и она просила своих людей, что, как только он появится, стрясти с него финажки, которые ей самой ой как нужны! – Вавилов провел ребром ладони по горлу, показывая, как нужны деньги Веркиной подружке, и продолжал: – Но я все-таки оставил двух агентов вести наблюдение за Веркиной квартирой, чем черт не шутит, а вдруг объявится. Из разговоров с девками удалось выяснить, что помимо Разгуляя Мозалевский любил бывать в трактирах на Баджейской улице, особенно в «Иерусалиме» и в «Калаче», иногда, когда бывали деньги, заходил в «Магнолию»…

Алексей быстро посмотрел на Тартищева, тот на него, но взглядом приказал молчать. Вавилов наконец вынул папиросу изо рта, с недоумением посмотрел на изжеванный мундштук и положил ее в пепельницу, в которой уже находилась точно такая же изуродованная папироса.

– Мы с Корнеевым и Потехиным, – назвал Вавилов еще не известных Алексею агентов, – взяли под наблюдение «Магнолию», еще двенадцать человек следили за всеми трактирами, кабаками и распивочными на Баджейской и прилегающих к ней улицах. За ночь трех человек, похожих на Мозалевского, задержали. К утру всех выпустили. – Вавилов потер виски и поморщился. Видно, давала о себе знать бессонная ночь. – «Магнолия» открылась в семь утра. Я пристроился в портерной напротив за столиком у окна и сделал вид, что читаю газету. Корнеев под видом чистильщика сапог расположился напротив трактира, а Потехин изображал торговца баранками и прохаживался поблизости от его входа. Через час, смотрю, приказчик начинает на меня коситься. Пришлось показать карточку…

Вавилов перевел дыхание и, отыскав глазами графин с водкой, взял его и, отхлебнув прямо из горлышка, вытер губы рукавом. Алексей заметил его покрасневшие веки, ввалившиеся глаза и понял, что Вавилов действительно

смертельно устал и держится только на этих быстрых глотках, которые на какое-то время помогают ему взбодриться.

– В восемь утра, со вторым ударом часов на городской башне, я увидел, что Корнеев сорвался с места и бросился через дорогу наперерез высокому человеку в сером пальто, в цилиндре и с тросточкой, Потехин кинулся следом. Меня как в голову стукнуло. Понял, что на этот раз не пустышка… Словом, только Мозалевский занес ногу на первую ступеньку, Корнеев налетел на него и с маху чуть не уронил на землю. Мозалевский схватился за перила. Потехин навалился на него, кричит: «Стой, не уйдешь!», но Мозалевский вырвался и бежать. Корнеев свистеть. Тут из подворотни выскакивает дворник и толкает в ноги Мозалевскому свою метлу. Мозалевский кубарем летит на мостовую, здесь мы на него и навалились, скрутили, как положено, и затолкали в полицейскую карету. Правда, пока его вязали, кто-то у Корнеева ящик со щетками и с ваксой спер, одна бархотка в руках осталась, и бублики по мостовой рассыпались… – Вавилов перевел дыхание и с торжествующим видом посмотрел на Тартищева, дескать, каковы молодцы, как здорово сработали и со столь незначительными потерями!..

– Молодцы, ничего не скажешь! – согласился Тартищев. – И что же дальше?

– А дальше он стал вырываться изо всех сил и кричать, что мы псы вонючие, легаши сученые, хватаем честных людей. «Буду, – орет, – прокурору жаловаться! Покажите бумагу, по какой причине хватаете!» Ну мы ему вежливо так объяснили, что причину ареста он узнает в сыскном отделении, там же и с прокурором встретится, и со следователем…

– Грамотный, – усмехнулся Тартищев, – ничего, скоро притихнет.

– Грамотный, – подтвердил Вавилов, – батюшка у него, оказывается, в Томске проживает, купец первой гильдии, да и сам Мозалевский пару лет назад служил письмоводителем у одного из тамошних судебных следователей. Поэтому и замолчал сразу, как нашли у него во время обыска золотые часы Дильмаца и пять золотых французских монет. Словно ему рот зашили, замолчал.

* * *

– Федор Михайлович… – Хворостьянов льстиво улыбнулся и пододвинул к Тартищеву блюдо со светло-янтарной семгой. За секунду до этого он то же самое проделал с бочоночком багровой зернистой икры, малосольными огурчиками, разваристой картошечкой, обжаренной на сливочном масле и щедро политой сметаной, и графином водки, самолично настоянной на бруснике. – Закусывайте, дорогой вы мой, закусывайте! В последнее время, смотрю, совсем с лица спали, на заимке у меня перестали появляться, а ведь одна банька моя чего стоит! Кедровыми чурочками топим, запах-то, запах… А парок! До костей пробирает! – Вице-губернатор закатил глаза в сладостной истоме, словно только что слез с полка своей и впрямь замечательной бани.

Тартищев послушно выпил и закусил, потому что на собственном, отнюдь не веселом опыте убедился: в моменты, когда вице-губернатор принимался хвалить свою баню, лучше было не перечить, ибо умиление на его роскошном лице вполне могло перейти в гримасу, которая сулила истинную «баню», от которой после не то что потом изойдешь, кипятком, э-э-э, сморкаться будешь…

– Огурчики, огурчики пробуйте, в собственной оранжерее выращены, – совсем уж елейно пропел Хворостьянов и улыбнулся своей самой лучезарной улыбкой. Наколов сверхаппетитный с виду огурчик на вилку, вице-губернатор поднес его Тартищеву и расцвел таким восторгом, будто только что вручил ему орден, и не иначе как святого великомученика и победоносца Георгия с надписью «За службу и храбрость»…

– Ваше превосходительство… – Тартищев приложил салфетку к губам. Огурчик был негласным сигналом переходить от возлияний к делу, чему он незамедлительно и подчинился. – Разрешите доложить о ходе следствия о смертоубийстве Отто Людвига фон…

Хворостьянов сердито поджал губы, нахмурился и перебил его:

– У меня тут с утра только тем и занимаются, что докладывают о ходе следствия. Без тебя знаю, что не сознается Мозалевский в убийстве. Губернатор недоволен, какие ж вы органы дознания, если не в состоянии добиться от преступника повинной? Ольховский заявил мне, что для обвинения Мозалевского имеются веские улики, но желательно, видите ли, чтобы преступник сам рассказал в подробностях о совершенном им убийстве.

– Собрать улики, ваше превосходительство, полдела, а ведь надо еще так исхитриться, чтобы заставить преступника повиниться в содеянном. Он ведь не враг себе, тем более такой грамотный, как Мозалевский. Он же понимает, что ему за это убийство одна дорога – в петлю.

– Но ты все-таки возьмись за него, Федор Михайлович, а? – Хворостьянов просительно заглянул ему в глаза. – Губернатор только на тебя и надеется. Тартищев, говорит, старая гвардия, не то что эти выскочки Лямпе и Ольховский… Давно уже пора ему коллежского советника[39 - По «Табели о рангах» соответствует званию полковника.] дать…

«Так я тебе и поверил», – подумал Тартищев, а вслух сказал:

– Я бы попросил тогда особых полномочий. Я не люблю, когда мне дышат в загривок.

– Все, что ни пожелаете, будет исполнено! – потер руки Хворостьянов. – Говорите, что вам требуется.

– Мне требуется еще раз осмотреть комнату, где произошло убийство. К тому же в охранном отделении мне не торопятся показать список изъятых вещей. Говорят, что такового не имеется. Но я знаю точно, что Ольховский велел вызвать сразу, как только стало известно об убийстве князя, Черкизова, одного из своих письмоводителей, который поднаторел в описи изымаемых или остающихся без надзора владельца вещей. Для какой-то цели он же понадобился?

– Резонно, резонно, – закивал головой Хворостьянов. – Я думаю, это очень просто выяснить. Что еще?

– Я хотел бы сам допросить Мозалевского, но не в сыскном отделении, где один вид кабинета пугает арестованных. Лучше будет, если его привезут ко мне домой.

– Я вполне с вами согласен, – с готовностью закивал головой Хворостьянов. – Когда это лучше сделать?

– Думаю, что не стоит откладывать в долгий ящик. Часа через полтора я буду готов к допросу.

Через десять минут Тартищев покинул кабинет Хворостьянова и почти столкнулся на пороге со штаб-офицером полковником Лямпе. Придерживая шашку, жандарм попытался обойти его справа, но Тартищев произвел незаметный глазу маневр и перекрыл ему движение. Жандарм недовольно сморгнул и метнулся влево, но Тартищев и тут его опередил. Коренастый Лямпе от неожиданности боднул его головой в грудь и проворчал:

– Право слово, Федор Михайлович, какой вы огромный. На телеге не объедешь!

– Прошу прощения, Александр Георгиевич, – Тартищев галантно улыбнулся, – давеча одного из ваших филеров так же вот чуть-чуть не задавил. Вздумал, сукин сын, со мной в кошки-мышки играть.

– О чем это вы? – насторожился Лямпе. – Наверняка это кто-то из охранки. Они даже за мной иногда топают, мерзавцы.

– Нет, их филеров мы знаем. А ваши мало того что косяком ходят, так еще шпоры постоянно забывают снять. А вчера так вообще конфуз вышел. Топает за моим новым агентом офеня со всякой книжной ерундой на продажу, так мало что шпорами бренчит, так еще и шашку оставил. Торчит она у него из-под кафтана ровно на четверть. Хоть бы баб постеснялся, всякое ж подумать можно…

Лямпе побагровел, заловил открытым ртом воздух, затем справился с волнением.

– Вы бы лучше за своими присмотрели, Федор Михайлович! Ваше дело уголовщиной заниматься, а фон Дильмаца оставьте моему ведомству. В Вене подозревают, что это политическое дело, и скандал обещают нешуточный.

– Да разве суть в том, какое это дело, – улыбнулся Федор Михайлович, – и какое ведомство им будет заниматься, главное, что человека лишили жизни, и наш святейший долг общими усилиями уличить злоумышленника и добиться, чтобы его примерно наказали.

Лямпе скривился так, что жесткие усы встали по стойке «смирно», и процедил сквозь зубы:

– Смотрю, Федор Михайлович, вы изрядно насобачились в нужный момент нужными словами изъясняться! Вроде и придраться не к чему, только мне почему-то вас иногда пристрелить хочется.

– Вы это правильно подметили, Александр Георгиевич! Именно нужными словами и именно в нужный момент! А стрелять в меня не надо, все равно промахнетесь! – Тартищев расхохотался и дружески хлопнул Лямпе по плечу. – Давай лучше завтра по рыбным расстегаям постреляем прямой наводкой. Хворостьянов грозится в баню позвать, так там и проверим, кто на что горазд…

Лямпе покрутил головой и огорченно вздохнул:

– У меня завтра своя баня намечается. Из столицы прибывают австрийский консул и чиновник из нашего Министерства иностранных дел. Представляешь, какой мне крендель из ушей сделают? Две недели с Мозалевским бьемся, и ни с места!..

– Ну что ты, право! – Федор Михайлович сочувствующе развел руками. – Какие это сроки? На моей памяти молоденький гимназист, который ни за что ни про что пристрелил семь человек, пять месяцев держался…

– Ничего себе, успокоил! – сморщился, как от зубной боли, Лямпе. – Кто мне даст пять месяцев? Мне уже завтра голову оторвут!

– И это не беда! У нас головы, как у той ящерицы хвост, имеют склонность вновь отрастать! – Тартищев кивнул штаб-офицеру и быстрым шагом вышел из приемной вице-губернатора.

Лямпе проводил его взглядом и приказал следовавшему за ним адъютанту:

– Узнай, кто из агентов переодевался офеней и вел наружное наблюдение за протеже Тартищева Поляковым, и вырви у этого идиота все, что без толку болтается, в том числе шпоры и шашку!..

Глава 9

– Итак, Николай Тимофеевич, присаживайтесь. – Тартищев жестом показал Мозалевскому на мягкое кресло, стоящее напротив. Тот криво усмехнулся и присел на самый краешек. Тартищев окинул его внимательным взглядом и приказал стражникам, сопровождавшим арестованного из тюрьмы, подождать за дверью. Затем сложил руки на груди, это был сигнал Алексею, пристроившемуся за оконной шторой, чтобы тот начал записывать разговор. – Мне не хочется строить нашу беседу в привычном русле. Я понимаю, вас достаточно долго запугивали, вам угрожали, в отдельные моменты применяли даже физическое насилие, но вы, Николай Тимофеевич, грамотный человек и должны понимать, что это убийство неординарное. Убит иностранный путешественник. Об этом событии доложено государю. Представляете его гнев и тревогу за дальнейшее состояние отношений с Австро-Венгерской империей. Ведь это международный скандал, который может перерасти в военные действия.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Воры-карманники.

2

Стрюк шатанный – загулявший барин.

3

Завлекали.

4

Сутенеры.

5

Воры, грабившие мужчин, которых приводили к себе проститутки.

6

Делили добычу.

7

Воры, проникавшие в квартиры через форточки.

8

Воры, промышлявшие кражами с проезжающих экипажей.

9

Воры-карманники.

10

Воры, срывавшие шапки или вырывавшие сумки из рук.

11

Карточный притон.

12

Игра шулеров между собой.

13

Вовлечь намеченную жертву в картежную игру.

14

Шулеры.

15

Содержатель карточного притона.

16

Выиграть у жертвы все, вплоть до одежды.

17

Вор, работающий по-крупному, авторитетный вор.

18

Портер – сорт темного пива.

19

Водка заводского изготовления.

20

Так называлась форточка, через которую с 11 вечера до 7 утра тайно торговали водкой, зачастую, как сейчас говорят, фальсифицированной.

21

Дерзкий вор, который «работает» по-крупному, самый уважаемый в воровском мире человек

22

Девки.

23

Кавалеров.

24

Завсегдатаи притонов, ночлежек.

25

Беглые с каторги.

26

Сигнал об опасности, все равно что «Полундра!» для моряка.

27

Кличка, произошедшая от аббревиатуры СУС – Североеланский уголовный сыск. Ср.: МУР – Московский уголовный розыск – «мусора».

28

Обыграть в карты с помощью шулерских приемов.

29

Шулеры.

30

Деньги.

31

См. катран.

32

Многих обыграли в карты.

33

Игра в карты с помощью шулерских приемов.

34

Игра, в которую через временный выигрыш втягивают жертву.

35

Розыгрыш денег среди воров без применения шулерских приемов.

36

Игра на жизнь человека.

37

Шляпа.

38

Сапоги.

39

По «Табели о рангах» соответствует званию полковника.

Купить: https://tellnovel.com/mel-nikova_irina/agent-sysknoy-policii

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити